

Доктор психологических наук
А.В. Суворов

ДОСТОИНСТВО
(ЛИРИКО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
САМОИССЛЕДОВАНИЕ)

Посвящается всем, кто так или иначе
способствовал, способствует и будет
способствовать моей полноценной,
достойной звания человека, жизни.
Бесконечно им всем благодарный,
Александр Суворов.

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ БЛАГОРОДСТВО ДУХА

На вопрос Гамлета:

"Что благородней духом - покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы,
Иль, ополчась на бедствия и горе,
Противоборствовать им, противостоять?"

Александр Суворов, мыслитель, поэт и учёный, отвечает своей сознательной жизнью:
"Противостоять! Противоборствовать! Не затем, чтобы бунтовать, а лишь для творчества, для добра и любви".

Читатель узнает, что это на самом деле невероятно трудно - любить жизнь, людей, зверьё и деревья, совсем не видя их и не слыша даже шепота листы. Какой это подвиг. Какое мужество. Какая это высота духа.

А. Суворов раскрывает перед нами самые сокровенные движения своей души. Он вводит нас в историю своего духа от младенчества до сегодняшней, с боем взятой вершины. Ныне он доктор психологических наук, авторитетный учёный, плодовитый писатель, автор множества стихотворений и поэм. Он популяризатор науки. Острый и вместе с тем корректный публицист. Биограф выдающихся философов и психологов. Практик-воспитатель, его обожают дети, и он много полезного им даёт. Хороший лектор и публичный полемист. Его ценят и, однажды услышав, всегда ждут студенты.

Как он достиг всего этого, ещё в раннем детстве потеряв зрение и слух? Разве это возможно?!

Да перед вами, читатель, история сложных, подчас мучительных сражений. История притом ярко, мастерски рассказанная, поскольку рассказчик - стилист с большим вкусом. В ткань этого новаторского в жанровом отношении повествования внесены необычные документы - стихотворные исповеди автора, где зафиксированы моменты из тайной жизни человеческого сердца.

Как же обрести и сохранить достоинство в условиях жестокой обездоленности и - назовите, наконец, это трудное, для многих неудобное, слово, - **НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ?** **Несправедлива же судьба, делающая почти невыносимой жизнь ни в чём не повинного ребёнка.** И вот из страдающего мальчика вырастает великодушный и многим помогающий человек, пусть не всемогущий, но очень много знающий, понимающий и умеющий. Как? благодаря чему и кому?

Читатель поймёт, какие обстоятельства и какие люди помогали. Вся тяжесть противостояния судьбе, её "пращам и стрелам", а она не скупится на обстрелы, легла на плечи самого Саши. Суворов превратил себя в измерительный прибор на прочность человека.

И потому его трагедия оптимистична без "ходульного пафоса и наигранной умильности" (Б. Пастернак).

Эта книга о достоинстве человека, написанная истинно достойным человеком, помогает нам ответить на вопрос вопросов: в чём же оно, достоинство человека, его назначение, смысл его страданий и борений? Ответы на эти вопросы могут звучать примерно так.

"Подчинить себе несправедливое, неразумное, овладеть им свободно и согласно своей собственной природе, совершенствовать себя - вот наше назначение в обществе. Для достижения этой цели мы нуждаемся в способности, которая приобретается и совершенствуется благодаря культуре, - в способности **ДАВАТЬ**, или воздействовать на других, и способности **БРАТЬ**, или воспринимать от других наиболее ценное для нас.

Каждый обязан использовать своё развитие для блага общества. У каждого есть обязанность не только вообще желать быть полезным обществу, но и направлять по мере своих

сил и разума все свои старания к тому, чтобы облагородить род человеческий в целом, то есть распространить как можно шире культуру, делать всё более мудрым и счастливым наш общий братский род. Можно ли это сделать без тяжёлого труда и самопожертвования?

Вот в чём состоит награда таких людей: они окунулись в жизненную стихию духовной ясности и потеряли вкус к чему бы то ни было менее высокому и прекрасному. Для них открылся высший мир. Они не нуждаются в возмещении. Они уже приобрели неизмеримую награду.

"Не честолюбие порождает великие дела, а наоборот - великие дела порождают веру в мир, который должен ответить на них уважением" (И. Фихте).

Явление Александра Суворова - послание всем нам, послание, дающее надежду, гордость, достоинство жить, в частности, преодолевать невыносимые, казалось бы, муки.

3 мая 1996 года

Борис Бим-Бад

ОТ АВТОРА

Предлагаемый текст - первая часть задуманной автором большой книги, посвящённой проблемам человеческого достоинства вообще и в условиях тяжелейшей физической инвалидности - одновременной слепоты и глухоты - в частности.

Книга представляет собой откомментированное собрание стихотворений автора, которые служат своеобразным экспериментальным материалом для многопланового научно-художественного исследования - одновременно философского, этического, психолого-педагогического, словом, - ЧЕЛОВЕКОВЕДЧЕСКОГО. Пусть не пугают читателя перечисленные области знания: исследование прежде всего НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ, по сути - роман-исследование. И строится книга по обычным, наиболее распространённым, романским законам: есть части, но нет глав. Части делятся на кусочки, фрагменты, начинающиеся со стихотворного текста, который затем комментируется самим автором стихов с точки зрения темы исследования, то есть постановки и попытки так или иначе решать проблемы человеческого достоинства: как жить достойно, не позволяя себя унижать и самому никого не унижая. Как убедится читатель, у самого автора это не очень-то получается, и именно поэтому он и затеял свой труд. По принципу: у кого чего болит, тот про то и говорит. Или несколько грубее: кому что, а вшивому про баню.

Вообще же речь идет просто-напросто об авторской исповеди. И автор решается выйти с этой исповедью н'а люди только потому, что с человеческим достоинством далеко не всё благополучно не у одного автора, а у всего человечества, особенно в переживаемую сумасшедшую эпоху, когда уже не маячит, где-то там на горизонте, а вплотную встаёт угроза выживанию рода человеческого. Автор глубоко убеждён, что без решения проблем духовной экологии никак не выжить ни человечеству в целом, ни отдельным человеческим существам. Эту книгу, с известной долей условности, можно сравнить с экспериментом, который врач ставит на самом себе, чтобы изучить болезнь и, пусть даже ценой собственной жизни, доискаться до путей её лечения.

Автор решил начать книгу с изучения собственной физической слепоглухоты - насколько, в чем именно и, главное, почему она мешает жить по-человечески, и в ней ли вообще дело, или же в системе человеческих взаимоотношений. Почему разговор начинается со столь болезненной темы, объясняется в тексте. Да и вся тематика книги весьма болезненна. Думается, ст'ойт в предисловии представить читателю план всей книги, - хотя бы чтобы не оставить голословным заявление об общечеловеческом, и притом весьма болезненном, а местами даже "щекотливом" (то есть таким, что легче делать вид, будто этого нет, чем об этом думать, не то что говорить), характере проблем книги.

Итак, первая часть - пока только она и предлагается читателю, - о значении физической слепоглухоты в жизни автора, о том, как автор к ней относится, как его отношение к собственной слепоглухоте и её следствиям постепенно менялось по мере взросления, о трагизме условий слепоглухоты и причинах этого трагизма.

Вторая часть - об отношениях автора с окружающими его людьми, о любви и ненависти, дружбе и вражде. И опять о том, как эти отношения складывались по мере взросления автора, как он пытался их осмыслить и

переосмыслить. В частности, пойдет разговор и о человечности-бесчеловечности юмора, о самолюбии, о том, в каких случаях его щадить, а в каких, может быть, человечнее ткнуть кого-то носом в его собственные... как бы это помягче сказать... недостатки.

Третья часть - как раз на щекотливую в указанном выше смысле тему: траурная сюита. Жизнь и смерть. Непоправимость вины перед умершими друзьями. Этический, нравственный смысл жизни через смерть и смерти через жизнь. Они противоположны и неразрывны, и осмыслены они могут быть только друг через друга, в сопоставлении и в противопоставлении, а по отдельности получится бессмыслица либо истерика, в которой тоже трудно найти какой-либо смысл. О том, что смерти бояться не надо, что к ней надо готовиться всю жизнь, раз уж она неизбежна, иначе не удастся ни прожить, ни умереть достойно. Тут впору вспомнить и Николая Островского, который был так озабочен тем, чтобы не было в конце жизни мучительно стыдно за беспечно прожитые годы, - я бы добавил: за прозябание вместо подлинно человеческой жизни.

Правда, сразу оговорюсь, что вина за наше прозябание во многих случаях лежит не столько на нас самих, сколько на "социальной среде", в которую нас угораздило попасть. На системе отношений между людьми. На системе, сложившейся исторически. На исторически накопившемся гигантском фонде равнодушия, бесчеловечности, даже изуверства. Это будет не просто болезненный разговор, а разговор, сравнимый со сложной хирургической операцией без всякого наркоза. Наркоз исключается, потому что задача - как раз осознать ценность человеческой жизни, осознать через её конечность, через тот факт, что все мы смертны. Смерть придаёт жизни смысл и ценность (может быть, в данном случае это одно и то же - смысл и ценность). С этой точки зрения смерть не только зло, но и благо.

Только пережив утрату нескольких (или одного) близких людей, можно всерьёз ставить и решать проблемы самовоспитания, самоизменения в сознательно выбранном направлении. Поэтому четвёртая часть, как раз посвящённая отношению автора к самому себе, его попыткам себя как-то изменить, идёт после траурной части. Недаром же говорится, что человек по-настоящему взрослеет, лишь похоронив родителей. Моя мама, слава богу, пока жива, но родного отца и духовных своих родителей - Александра Ивановича Мещерякова и Эвальда Васильевича Ильенкова - я давно схоронил. Конечно, жизнь заставляла как-то пытаться воспитывать себя и раньше, но ведь бывает самовоспитание - самозащита, самоотстаивание, уж там хорош или не очень, а бывает самовоспитание - самотворчество, самосозидание. Автор испробовал оба вида самовоспитания, предпочитает второй, но честно признаётся, что слишком часто получается как-то совсем не так и не то, как и чего хотелось бы. Что тут за притча, почему так выходит? Вот и попытаемся разобраться в четвёртой части, для которой, как и для третьей и многих других, существует пока только "лирический материал", фонд или, если угодно, банк поводов для размышлений.

В пятой части мы немножко отдохнём, прогуляемся на природе, но этой природой подчас оказывается ни больше ни меньше как вся вселенная. Речь идёт о том, как в условиях слепоглухоты можно ощущать, чувствовать окружающий мир - лес, горы, море, лунную ночь, всё мироздание в целом и его таинственность, прежде всего таинственность нашей связи с этим мирозданием, нашей причастности к нему, и не просто причастности - включённости в него. Мы же внутри, а не снаружи. Вам никогда не приходилось задумываться, как чувствует себя любая клеточка нашего организма внутри нашего тела, как она к остальному телу относится? А ведь каждый из нас - такая вот клеточка внутри гигантского тела вселенной, пытающаяся как-то изнутри к этому телу - КО ВСЕМУ телу! - относиться.

Шестая часть в чём-то продолжает пятую. Она посвящена взаимоотношениям автора с музыкой, тому, как это можно умудриться при ничтожном остаточном слухе быть меломаном. И предпочитать классическую музыку, и лёгкую и серьёзную классику, барабанному наркотизму тяжёлого рока. И можно ли вообще без музыки обойтись, можно ли без настоящей, хорошей музыки быть полноценной личностью, - полноценной эмоционально, богатой чувствами, а значит, и вообще духовно богатой. Сразу скажу - нельзя! Поэтому обсуждается проблема, как же эту гармонизированную культуру чувств сделать доступной глухим людям. Глухота к хорошей музыке - это душевная глухота, и нельзя же обречать миллионы людей на душевную глухоту

лишь потому, что у них неисправен физический орган слуха! А физически глухих действительно миллионы, и только в нашей стране, во всем же мире, наверное - десятки миллионов.

Седьмая часть посвящена проблемам творчества как смысла жизни.

Речь идёт не столько о том, как автор оценивает собственное творчество, сколько о том, какое значение имеет творчество в человеческой жизни, какое значение должно иметь, и что главное - создавать шедевры или быть творческой личностью, быть способным к творчеству, пусть и не на уровне шедевров. Это уже начало психолого-педагогической темы нашей симфонии, которая, впрочем, проскальзывает и раньше, уже в первой части, но дети пока ещё мелькают где-то рядом, появляются и исчезают, их основной выход на сцену впереди.

В центре нашего внимания дети оказываются в следующей, восьмой части. Это тоже о смысле жизни, но этот смысл уже не творчество само по себе, а любовь, и любовь именно к детям. Это история мучительной, многолетней влюблённости автора в детей вообще. Эту лирику нельзя назвать педагогической, потому что в ней чего нет или меньше всего, так это назидательности. Я люблю ребёнка такого, как есть, я считаю, что во многих отношениях ребёнок лучше взрослых, я им восхищаюсь, и я, как всякий влюблённый, больше всего озабочен тем, чтобы моим любимцам около меня было хорошо, а не только мне около них (да мне и не может быть хорошо, если тем, кого я люблю, нет до меня никакого дела). Лирика восьмой части - это самая настоящая любовная лирика, только обращённая к детям. И ещё игровая, и ещё философская, потому что некоторые стихи родились в игре с детьми, а другие - в размышлениях об их судьбах. Но только не педагогическая, не назидательная. Чего я сам не терпел в детстве (а кто терпел?), так это выслушивать нотации, и чего не могу, просто не могу в общении с ребятами, так это читать нотации. Огорчиться, даже обидеться - бывает, но устроить "распеканцию"... Не могу, хотя не раз меня прямо об этом просили взрослые, - повлияй, мол. ТАК влиять я не умею и не хочу уметь. И без меня таких "влиятелей" предостаточно.

Девятая часть тоже любовная - посвящена моей маме. Я вам расскажу, какая она у меня замечательная, и заставлю многих позавидовать, что у них не такая! Вот вам!

Десятая часть - об Александре Ивановиче Мещерякове. Тут больше будет прозы. Он слишком рано умер, чтобы я успел написать сколько-нибудь даже не приличные, а связные, что ли, складные вирши, ему посвящённые. Но моя благодарная память многое сохранила. Я хочу влюбить вас в него так же, как и в свою маму, да это просто мой долг перед его памятью. В науке и в педагогической практике он незаслуженно забыт, его статьи не собраны, архив не опубликован, единственная книга, авторские экземпляры которой он получил за день до смерти, ни разу так и не переиздана. То же относится к его учителю и предшественнику, Ивану Афанасьевичу Соколянскому, но того я не застал в живых... Книга ученицы Соколянского, Ольги Ивановны Скороходовой, переиздана несколько раз, а работы её учителя так и не изданы, хотя и существует, как я слышал, двухтомник в рукописи, но так вот и не увидел света. Обидно. Тем более обидно, что оба - и Соколянский, и Мещеряков, - лауреаты одной и той же Государственной Премии СССР за 1980 год, присуждённой обоим посмертно - и Соколянскому, и Мещерякову,

- и только им одним за педагогическую деятельность. Такое признание, с одной стороны, и настоящий заговор молчания - с другой! А может, всё проще, - недосуг, некому всерьёз заняться изучением и изданием их наследия... Да будь я хотя бы только зрячим, я бы этим занялся.

Одиннадцатая часть посвящена другу Мещерякова, который нас и познакомил, большому человеку и великому мыслителю Эвальду Васильевичу Ильенкову. посвящённая ему поэма "Средоточие Боли" уже опубликована в журнале "Философские Исследования", 1994, №2. Но есть и довольно много лирики, ему посвящённой, и много эпизодов нашего общения, длившегося почти одиннадцать лет, сохранила моя память. Да и вообще образом Ильенкова проникнута вся книга, о нём много уже в предлагаемой первой части, а его идеями насквозь пропитано, как губка, всё моё научное и психолого-педагогическое творчество. Ему я обязан своим мировоззрением, и поэтому именно его в первую очередь считаю своим духовным отцом.

Спрашивается, причём здесь все эти воспоминания, когда речь идёт о человеческом достоинстве? А вы мыслите себе человеческое достоинство без благодарной памяти обо всех, кто помог вам стать, кем вы стали? Я

- не мыслю. И я бы должен отдельно рассказать ещё о многих людях, но на это нужна ещё одна жизнь. Поэтому специальные части посвящаю только самым главным, перед кем вместе со мной склоняют головы все остальные мои друзья.

Наконец, двенадцатая часть - подведение итогов. Это мировоззренческий разговор. Там и моя политическая лирика, и вообще оценка современной кризисной ситуации, в которой очутился, или в скором времени очутится, весь мир, а не одна Россия. В этой заключительной части попытаемся найти хотя бы предварительный ответ на вопрос, что же такое человеческое достоинство, как его обрести и всю жизнь сохранять. Что такое достоинство подлинно разумной формы жизни и подлинно разумного существа? Есть ли у нас шансы наконец-то

стать подлинно разумной формой жизни и - поголовно! - подлинно разумными существами? Вот на какой вопрос необходимо поискать ответ. И необходимо доискаться до этого ответа, а то времени до всеобщей гибели - в термоядерном ли пожаре, потому ли, что загублена экологическая среда, - остаётся всё меньше. Может быть, совсем мало...

Существование мира, в котором мы действуем, зависит от нас, от нашей деятельности. И если мы не хотим загубить этот мир и себя вместе с ним, нам надо начинать наконец с себя - со своей нравственной экологии, а эта область - бесспорно! - в течение XX века стала зоной бедствия. И пока мы бедствуем в этой области, нам вряд ли удастся ликвидировать зоны экологического бедствия на нашей планете.

Короче, призыв античных философов - "Познай самого себя!" - актуален сегодня, как никогда раньше.

А. Суворов. 1 ноября 1995.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Страшно и тихо кругом...

Бесфонарная ночь заглянула в окно. В комнатухе темно и тепло. Все хозяева спят. Но не спит их трехлетний малыш. Он испуган. Боится чуть-чуть шевельнуться. Темно.

Страшно - папа храпит... Мама спит без оркестра, - страшней, потому что не слышно. Источником слабого света слегка выделяются окна. Чернейшие тени по комнате бродят... Как страшно! Темно как!..

Какие-то в воздухе слабые искры... Темно до того, что мерещатся слабые искры... Той слабенькой светлости, что и окно.

Одеяло едва не до носа натянуто. Жарко. Весь мокрый: вспотел. Руки вытащить хочет наружу. Боится. Глаза до предела расширены. Жуткая тень от шкафа отделилась. Идёт. А глазищи, от страха большие-большие, за нею следят. Подходит все ближе к ребёнку. Он крикнул отчаянно, хрипло и тихо, вдруг сразу надорванным голосом:

- Мама!..

Не слышит...

Не слышит мама, спит усталым сном.

А сын её зовёт в тоске жестокой...

О ужас! тень - башка под потолком, -

К нему шагнула как-то странно, боком.

Слепая, что ли?..

- Дай твои глаза.

- Не дам. Мои!

- Теперь моими станут.

Мне до рассвета ждать никак нельзя, -

Возьму сама. -

К глазам ручища тянет...

Коснулась глаз. Ни свет, ни темнота, -

Туман бесцветный, муть, проглядна еле.

Рука была холодной: пустота

Межзвездная, наверное, теплее.

Наутро ему показалось, что свет потускнел... Или просто погода, быть может, с чего-то нахмурилась. Мама сказала:

- Сегодня поедem за райками в сад к дяде Ване. Из раек варенье сварю.

Всё в порядке - погода хорошая. Яркое летнее солнце уже припекает немного. Прохладно в тени ещё, правда. Но в полдень везде духотища.

В саду дяди Вани прохладно и сыро. Земля, как и небо везде, где деревья его закрывают, - пятнистая: тёмная с яркими тёплыми пятнами солнечных зайчиков. Яблочки райки, чуть больше урюка, трясут на пятнистую землю, откуда в большое ведро для воды питьевой собирают. Двигутся люди - пять-шесть человек, - нагибаясь за райками, даже садясь для удобства на корточки. Двигутся люди, как тёмные тени ночные, вот только слегка освещённые солнцем: проворные яркие зайчики скачут по ним.

Мальчик хочет

помогать -

Тоже райки собирать.

Не выходит ничего

У него

у одного. Райки видно

всем другим - Протянуть лишь руки им.

Мальчик видит

только день:

Свет и тень,

свет и тень.

Начал шарить

по земле,

По сырой пятнистой мгле.

Руки зябнут.

Раек нет.

Тень и свет.

Тень и свет.

Люди видят -

ищет зря,

По земле рукой вода.

Людям ясно:

он слепой,

Если щупает рукой.

Посадили на солнышко мальчика - пусть отогреется. Маме теперь не до раек, - сидит, на коленях держа малыша. К безоконой стене прислонилась и плачет, рыдает со всхлипами. Платье простое, домашнее; то ли цветастое, то ли в полосочку. Слезы текут по лицу молодому, ещё не увядшему. Скоро увянет оно!..

Невысокая, длинноволосая (косы в кружок на затылке уложены), с добрым лицом сероглазым, - сидит на припёке, к стене прислонившись, и слезы в две струйки слились. Мамину шею малыш обвивает ручонками. Мокрая шея, и тихие всхлипы слышны... Мама плачет.

Заплакал и мальчик ослепший. Не с горя, конечно, а так - за компанию с мамой.

Февраль 1973

Шкаф - огромный, старомодный, типа шифоньер (так это называет мама: в большом отделении вешалки с одеждой, - у этого шкафа оно, кстати, имело одну широкую дверь, а не две дверцы-створки, как у современной мебели такого типа; треть шкафа занимают полки для постельного и прочего белья; внизу у нашего шкафа был ещё весьма вместительный фанерный ящик). Весь шкаф был фанерный, то ли покрашенный, то ли покрытый очень тёмным лаком, зачем-то с круглыми окошками, пересечёнными вертикальными рейками, в верхней части дверец.

Я в раннем детстве часто просыпался и подолгу бодрствовал по ночам. Лежал я на раскладушке ногами к шкафу, и в глухую ночную пору не мог оторвать от него глаз, был им вроде как загнипнотизирован. Он

Светит сквозь шубу, -
ни свет, ни темно. Мальчик
продрогший
на берег глядит.
Берег то близко -
и видится лес,
То далеко-далеко отбежит, -
Еле чернеет
у края небес.
Май 1973.

Это отрывок. Я хотел рассказать о том, как оглох.

В Братск мы попали к родственникам летом 1962. Нас баловали как могли: водили в тайгу (я, правда, был только на опушке, но поразился, какая тайга высокая), много раз - на Ангару, где у наших родных или их друзей имелась моторная лодка. Вода была очень холодной, но я фанатично любил купаться; как меня ни отговаривала мама, как ни ругал папа, - я в воду лез. И, по-видимому, долазил.

Возвращались через Алма-Ату, где у нас тоже много родни. Из Алма-Аты во Фрунзе летели самолётом, - первое моё авиаприключение. Не помню, замечались ли мои учащающиеся "недослышки" раньше, но именно в день первого авиаперелёта, уже дома, у папы лопнуло терпение, когда я в десятый раз не понял, что он хотел мне сказать, и папа сильно психанул, а я, недоумевая, оправдывался, что в самом деле ничего не понимаю, что и в мыслях нет смеяться над папой. В тот день подобные "недослышки" в тяжёлой форме повторились несколько раз.

Первой встревожилась, конечно, мама. К тому же, когда мне было пять или шесть лет, её в Алма-Ате предупредил какой-то профессор, что, если его диагноз правилен, то через несколько лет я должен в дополнение к почти полной слепоте оглохнуть. А согласно его диагнозу, когда я был трёх - четырехлетним, ночью, во сне, у меня случился приступ полиомиелита - детского паралича, из-за которого и наступила практическая слепота.

Что ж, как ни был я мал, я могу отчасти подтвердить диагноз Алма-Атинского профессора. Как раз до трёх - четырехлетнего возраста у меня часто бывали бессонницы, и отчетливо помню приступы оцепенения, вызванные чувством прямо-таки ужаса, - приступы, к утру постепенно проходившие. Но однажды приступ был настолько сильным, что я с трудом поднялся утром и полдня не мог как следует разбежаться (то есть начать двигаться нормально для своего возраста). скорее всего это был ужас перед темнотой, описанный выше.

В общем, 1 августа 1962 года стало чёрным днём в моей жизни: в этот день обнаружилось, что я глохну. Проверка слуха это скоро подтвердила. Мне едва исполнилось девять лет и два месяца.

Диагноз по зрению - атрофия зрительного нерва. Острота зрения при последней проверке - полпроцента. Это - практическая слепота, светоощущение: замечаю свет и его отсутствие.

Диагноз по слуху - неврит (воспаление) слуховых нервов. Но, может быть, дело не в полиомиелите, а просто я как-то незаметно простудился на Ангаре, неоднократно наливая полные уши ледяной воды, что и привело к снижению слуха?.. Точных-то причин моей слепоглухоты врачи так и не знают...

Именно эту гипотезу, - что меня "заморозила" Ангара, - я имел в виду в приведённом стихотворении, которое хотел продолжить по тому же типу, как и рассказ о потере зрения (была задумана поэма, да пороку не хватило написать).

Начиная с шестнадцати лет, больше всего я страдал от того, как и в чём именно слепоглухота мешала мне жить. Я никогда не мог с ней смириться. Я никогда не соглашался по одежке протягивать ножки; всегда стремился к большему, чем на что, казалось бы, мог рассчитывать при слепоглухоте. Мама вспоминает, что этим и утешал её тот Алма-Атинский профессор, предположивший полиомиелит в качестве причины слепоты и впоследствии - глухоты:

- Сын у вас умный.

Слепоглухота стала проклятием моей жизни, как только я начал о чём-то всерьёз задумываться. И в этом смысле можно сказать, что слепоглухота - центральный факт моей

жизни. Центральный не потому, что всё определяющий, а потому, что многому мешающий. Главное препятствие, а не главное событие. Не всё в моей жизни можно объяснять слепоглухотой, "сводить к слепоглухоте", как любят выражаться учёные. Нет. Слепоглухота - центральный факт моей жизни, но не её объяснительный принцип, не то, к чему можно без ущерба для истины "свести" любой другой факт. Слепоглухота сама по себе ничего не объясняет, но она при всём присутствует. И всему мешает. Как сильный шум, при котором трудно или невозможно слушать музыку по радио. Центральный факт - потому что постоянный, мешающий и неустранимый, фон. Мешающий и неустранимый фон, на котором мне предстояло прожить. Мешающий и неустранимый фон, на котором я вынужден был решать, что такое человеческое достоинство, как его обрести и соблюсти.

Мишель Монтень в своих "Опытах" рассуждал "об искусстве жить достойно". Если такая потребность возникла у Монтеня, то тем более потребность исследования проблем достоинства настоятельна у меня - на мешающем и неустранимом фоне слепоглухоты. Только в этой постоянной и неустранимой фоновости - ни в чём другом - состоит центральность факта слепоглухоты в моей жизни.

С детства я живу на этом фоне. Достойно или нет? По-всякому. Но хотелось бы - достойно. А как? Что значит - жить достойно на фоне слепоглухоты?

Общий ответ знаю: жить достойно на фоне слепоглухоты значит ТО ЖЕ САМОЕ, что и жить достойно без фона слепоглухоты. Потому что человеческое достоинство - ОДНО на всё человечество. То, что достойно для одного человека, не может быть недостойным для другого.

Но на фоне слепоглухоты жить достойно труднее, и, исследовав проблемы человеческого достоинства на этом фоне, мы хотя бы точнее поставим их. Они ведь, эти проблемы, не решены. Я, во всяком случае, не рискнул бы утверждать, что ВСЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ проблемы человеческого достоинства решены. рискнёт ли утверждать это кто-нибудь другой?

Вот тема исследования. Вот тема книги. И начать я считаю целесообразным с анализа "фона" - моего отношения к слепоглухоте. Что это за "фон", к которому так относится по крайней мере одна из его жертв.

Если в мощную машину душу
Человека бурного вселить,
Всю бы экономию разрушить
Ей пришлось, дабы счастливой быть.
Тяжело, когда один хотя бы
У неё без дела рычажок:
Вся она включённая должна быть
В маленький, а всё-таки мирок.
Так и мне с людьми невыносимо,
Ибо их не слышу разговор.
Будто выключенный я прибор, -
Люди есть, а жизнь людская - мимо.
Я б хотел включиться всей душой
В разговор: не говоря ни слова,
Слушал бы признания другого, -
Как, и чем, и в чём живёт другой.
Но мои приемные устройства
От людей отключены. И пусть!
Нервным и любимым назло расстройствам
К людям всё же как-нибудь прорвусь!

4 - 5 февраля 1974

Именно что не "пусть". По молодости лет, - да и по требованиям казённо-оптимистической эпохи, - я, о чём бы ни шла речь, бодрую, уверенную в будущем концовку считал обязательной. Без неё чего-то не хватало. Да и во мне, двадцатилетнем юноше, не побывавшем ни в гитлеровских, ни в сталинских застенках, - жил страх, что обзовут нытиком, что зададут грозный вопрос: "Ты что, в нашей самой счастливой в мире стране недостаточно счастлив? Ты что, лучше всех?" Доказывай поди, что ты не верблюд.

А посмеешь не разделить всеобщее счастье - накажут бойкотом! И обзовут индивидуалистом.

Это много позже плюнул я на "жизнеутверждающие" концовки и стал заканчивать так, как казалось точнее, - как Совесть подсказывала.

Пессимистично? Не надо о грустном? Ну не читайте, не слушайте, не смотрите, добровольно превращайтесь в слепоглухонеграмотных, если кишка тонка признавать реальность. Не слезами, кровью обливаться - а признавать! И кукиш ей, безумной реальности, в похабную харю совать, а не в кармане прятать! Мол, с мерзостями твоими никогда не смирюсь, до самого гроба, - если будет гроб, если не удастся, как мне иногда хочется, исчезнуть так, чтобы хоронить нечего. Но об этом - через много лет...

БУНТ ПРОТИВ СКУКИ

Не желаю ходить по гостям,
Если нету в гостях никого,
Кто дактильно умеет болтать.
Что бессмысленно гибнуть часам,
Коль не слышу почти ничего,
Коли жизни людей не видать?!
Никогда, никогда, никогда
Не желаю я даже секунд
На безделье и скуку терять.
Скука - это вина и беда;
Против скучности всяческой бунт
Каждый день я готов поднимать!

12 августа 1974

Дактилология - специальная азбука для глухих и слепоглухих. Сейчас этот алфавит, по крайней мере в моём окружении, чаще называют сокращённо - "дактиль". Мне это не нравится. Во-первых, потому, что "дактилологией" этот алфавит называл мой учитель, Александр Иванович Мещеряков. Во-вторых, в стихосложении есть такая трехсложная стопа с ударением на первом слоге - "Дактиль", и для меня возникает нежелательный омоним. Но ничего не поделаешь, традиция сложилась вопреки моему консерватизму.

Дактильная речь - основной способ обращения ко мне. Незнакомые пишут по правой ладони печатные буквы. Сам я ко всем слышащим обращаюсь посредством сохранной звуковой речи.

"Сохранная речь" - специальный термин, обозначающий речь, сохранившуюся с тех времён, когда человек ещё мог нормально воспринимать устную речь окружающих. Сохранная речь обычно разборчивее искусственной, специально поставленной логопедами у ранооглохших, никогда не имевших устной речи либо утративших её после потери слуха. Обычно сохранная речь тоже далеко не безупречна, и к моей, например, речи новым друзьям и знакомым приходится привыкать.

Как видно из приведённого юношеского стихотворения о нежелании ходить по гостям, мне казалось, что проблема не в окружающих меня людях, игнорирующих моё присутствие, а в слепоглухоте или скуке самих по себе. Я ещё по-юношески наивен, мне невдомёк, что вовсе не слепоглухота и не скука сами по себе осложняют жизнь.

До чего же знакомое чувство!
Словно весь я в каких-то тисках.
Это просто отчаянно грустно.

Плакать хочется, слезы в глазах.

А причину словами нащупать
Поточнее не в силах и сам.
На поверхности - мелкая глупость:
На прогулку не выйти без драм.
Я в квартире весь день без движенья.
Надо пару часов походить.
Все расходятся по развлечениям,
А меня не желают пустить.
Я бы с братом пошёл прогулялся,
Да в кино собирается брат...
И метаться я с книжкой остался
Возле дома - вперёд и назад.

15 августа 1974

Предошущение трагизма. У всех свои дела, и всяк себе хозяин-барин, а я своих дел самостоятельно делать не могу... Пока ещё только вздох огорчения. Но будет и яростный протест вплоть до нежелания жить. И по куда более серьёзным поводам, чем - не с кем погулять.

Это уже ущемлённое достоинство. Почему недоступно мне самое простое для других, о чём эти другие не привыкли даже задумываться? Завидую? Нет. Начинаю ощущать несправедливость жизни. ещё не конкретных людей, а жизни вообще. Судьбы, если угодно. Не виноват же я, что слеп и глух! Неужели только из-за слепоглухоты я лишён того, что равноценно, может быть, глотку воды, - лишён возможности самостоятельно удовлетворять свои самые простые, естественные желания и потребности, наконец возможности самостоятельно работать?

Из мелких фактов легче делать
Большие выводы подчас.
Сестра статью не захотела
Подиктовать мне в этот раз.
Спешит к подругам. всё понятно.
И у меня друзья ведь есть.
Как мне друзьям, сестре приятно
Отдать подругам вечер весь.
Ну что ж, иной работой вечер
Тогда займу. Обиды нет.
Как жаль, что я не обеспечен
Всегда партнёром для бесед,
К кому ходить, прервав работу,
С собой позвать куда-нибудь,
Шутить, про все болтать в охоту, -
Ну просто с кем бы отдохнуть.
Ведь каждый все права имеет
Пожить порой и для себя.
Но мне так жить куда труднее -
Без слуха и без зренья я...
Я к зрячеслышащим прикован.
Сам не хотел бы в свой черёд

К себе приковывать другого, -
Пускай, как хочется, живёт.

17 июля 1975

Когда я это написал и прочёл некоторым своим друзьям, меня спросили: "Что за большие выводы из мелких фактов?" Я не сумел тогда ответить. Но разве нежелание никого приковывать к себе, хотя сам прикован в унижайнейших мелочах к зрячеслышащим, - маленький вывод? Я тогда, может быть, впервые поставил перед собой проблему взаимного самоопределения

слепоглухих и зрячеслышащих, - проблему, над которой бьюсь и до сих пор. А что в то время я эту проблему только нащупывал, не в силах сформулировать, поставить так ясно, как теперь, - ну и что? Просто надо было прожить ещё двадцать лет.

Во всяком случае, я в двадцатидвухлетнем возрасте поднялся до постановки проблемы, чем же конкретно мешает мне жить слепоглухота. Чем она меня унижает. Правда, к формулировке этого последнего вопроса об унижении я ещё не подошёл.

Моя мечта проста и недоступна,
Как огонёк вдали за Иссык-Кулем,
Что виден за десятки километров,
А плыть к нему - ни лодки, ничего.
Моя мечта - пойти куда угодно,
Хотя бы рядом, но без провожатых;
Сказать любому встречному два слова,
Без перевода выслушав ответ.
Иль посидеть у парковой дорожки,
Понаблюдать людей, по ней идущих,
Обрывки их речей спокойно слушать,
А с кем-то самому заговорить.
Хочу людей глазами - не руками
Увидеть ясно, до деталей мелких.
Хочу людской ушами - не руками
Услышать даже самый тихий шёпот...
Но нет, мечта простая недоступна,
Как огонёк вдали за Иссык-Кулем,
Что виден за десятки километров,
А плыть к нему - ни лодки, ничего.

20 июля 1975

В летние каникулы мама часто брала путёвки на турбазу "Локомотив", на Иссык-Куле. Там был великолепный песчаный пляж, где я любил бродить по вечерам. Я никогда не видел звёзды, но, если мне не мешают фонари, вижу луну. И видел лунную дорожку на иссык-кульской воде. Обманутый ярким (вода-то очень тёмная), я однажды пошёл по яркой дорожке и забрёл в тёплую вечернюю воду по колени.

Когда темнело, с берега можно было разглядеть далёкий огонёк. Я думал - корабль, но огонёк не двигался. Когда я передвигался по пляжу, огонёк тоже вроде бы передвигался вместе со мной, как луна, но он был передо мной, а луна наверху. Мне говорили, что до противоположного берега в этом месте километров шестьдесят. скорее всего, как мне объяснили, на том берегу - сёла, может и город, и слившийся вместе свет от его фонарей виден отсюда.

В общении слепоглухих и глухих переводом называется передача с устной речи на дактильную (или жестовую), а если надо, то и наоборот. Изредка бывает "перевод по цепочке": один зрячеслышащий, не владеющий дактильным алфавитом, говорит "голосом"; другой его слушает и переводит слепоглухому, а этот - второму слепоглухому. Думаю, смысл строки "без перевода выслушав ответ" предельно ясен: я мечтаю общаться без посредников.

Реально без посредничества я не могу включиться в жизнь окружающих меня людей. Необходимость посредничества раздражает, огорчает и унижает. Необходимость посредничества тоже ставит проблему человеческого достоинства в условиях слепоглухоты. Есть посредник - хорошо (и то, если хороший). Нет посредника - я превращаюсь в предмет обстановки, становлюсь чем-то вроде стула или статуи, скорее...

Тогда надо уходить. Нельзя быть статуей. Нельзя позволять превращать себя в статую. А на тебя обижаются: "Побудь с нами!" Они не понимают, что "быть с ними" и "рядом с ними" - огромная разница. Не понимал ещё этого и я, - в те, студенческие, годы, когда писались эти стихи. Только чувствовал. Но чувствовал всё острее...

О СЧАСТЬЕ

Всем охота жить счастливо.
Все намаялись когда-то
Над вопросом из вопросов:
В чём же, где же это счастье,
Что же значит быть счастливым?
Я из всех не исключенье,
Но, утратя слух и зренье,
Стал завидовать я зрячим,
Голосами говорящим, -
Вот оно, должно быть, счастье!
Можешь сам без провожатых
Уходить, куда захочешь;
Можешь ездить пассажиром;
Можешь сам водить машины, -
Ты поэтому счастливый.
Ты в картинной галерее
Можешь Репина увидеть;
Все тебе в музее видно,
Что хранится под витриной, -
Как же ты да не счастливый?
Миллионы книг к услугам,
Все журналы и газеты;
Никого просить не надо,
Сам прочтешь, когда захочешь,
Ибо видишь, - и счастливый.
Красоту ночного неба,
Звёзды в ясную погоду,
Журавлей под облаками,
Белый снег на Эвересте

Можешь видеть, - и счастливый.

13 августа 1975

А счастливой концовки так и не получилось. Грустно. Что значит быть счастливым? Это значит быть зрячеслышащим. А я слепоглухой... Неужели несчастный? Не хочется отвечать утвердительно. Трудно ответить отрицательно, что, мол, нет, не несчастный. Но огромная философская проблема счастья и несчастья поставлена. Как-то удастся её интерпретировать и решить?..

Зависть?.. Не моё это слово. Видя, что "дело пахнет керосином" и я всё настойчивее задумываюсь над опасными сюжетами о своей слепоглухоте, о том, в чём и как она мешает мне жить, - меня попробовали утешить и пристыдить: ну не завидуешь же ты эхолокационной способности летучих мышей! Так я ведь и не летучая мышь, - ответил бы я теперь.

Или вы всерьёз думаете, что мы с вами разные существа, - лишь на том основании, что вы видите и слышите, а я нет? Согласитесь, "основание"-то несерьёзное, мягко говоря. В том-то и дело, что вы - люди, и я тоже - человек. И мне вполне естественно горевать об отсутствии возможностей, которые мне должны быть свойственны так же, как и вам, - как одноприродному с вами существу. Мне плохо не потому, что у меня чего-то нет, не от зависти, а потому, что по природе своей я такое же, как вы, существо. Во всяком случае, должен быть таким же! Но раз "должен быть", - значит, всё-таки не такое же?..

Такое или не такое?

И такое же, и не такое же. Как и все мы с вами, в общем-то.

Когда нас так или иначе унижают, ущемляют наше человеческое достоинство, - мы разве не вопим, что мы "тоже" люди? То есть, что мы такие же существа, как и тот, который нас унижает, и как же он, такой-сякой, смеет унижать себе подобное существо? А когда удивляются,

как вегетарианец жив-здоров без мяса, тон вправе ответить: мы же разные люди. разные, но всё-таки - люди, - и вегетарианец этот, и мы все.

Подобные в многообразии, многообразные в подобии - вот как это звучит на философском языке. Но до этой диалектики мне ещё предстояло дорасти.

А пока в приведённом стихотворении я просто согласился: да, завидую. И не могу иначе.

К чертям обогреватели!
Мои доброжелатели
Хотят, чтоб я замёрз.
Убей меня, мороз!
Да нет, доброжелателям позиции не сдам.
Вот будут мне признательны - Достану печку
сам! Подумаю - придумаю! Один поеду в "Свет",
Спрошу запиской умною: Мол, печки у вас нет?
И продавец печатными Сверхбуквами
громадными
В ладонь мне даст ответ...

31 января 1976 Дозавидовался... До "опоры на

народ".

Ах, так? У вас свои дела? А мои подождут?! Ну и ладно, катитесь по своим делам, хотя бы и вымышленным, чтобы мои со мной не делать. Обойдусь.

Мы жили тогда в университетском профилактории. Если там вообще топили, то, видимо, только для отчётности, - абы на бумаге значилось. Заклейку с окон ободрали, должно быть, ещё предшествующие студенты, - лень было выйти покурить куда положено, пускали дым в окно, надравшись предварительно винищем. А мы въехали - не поймёшь, откуда и дует. Как-то отовсюду сразу.

Одно спасение - электрообогреватель. Прошусь-прошусь у всех подряд, - давайте съездим, купим. Все обещают потом как-нибудь, всем сейчас недосуг. А самому нос высунуть за территорию - и думать не смей...

Да, в конце-то концов, чем я хуже вас? Только тем, что слеп и глух? На моём бы месте помчались бы за печкой, самое это срочное небось было бы из всех дел...

Эмоции-то эмоциями, а что делать? Не мёрзнуть же в самом деле покорно. "Доброжелатели"-то уверены, подлецы, что, как бы я ни возмутился, а всё равно с места сдвинуться не смогу. Ну, посмотрим...

Окрестности вокруг университета я уже облазил с тросточкой.

Шастая за пирожными в университетский буфет, научился и вступать в контакт с незнакомыми людьми. Машинописью-то зрячей владел давным-давно, - благодаря энтузиазму Альвина Валентиновича Апраушева, тогдашнего директора Загорского детдома. Знал и зрячие печатные буквы, воспринимать которые правой ладонью с ласковой настойчивостью обучал меня сам Эвальд Васильевич Ильенков, советуясь по этому поводу с Ольгой Ивановной Скороходовой. Да и голосом я мог объяснить, кто я такой и как со мной общаться, - писать пальцем или чем удобней по всей правой ладони, только чур не пачкать шариком авторучки или графитом карандаша. Главные условия успеха - терпение и спокойствие.

Да, "доброжелатели" меня недооценили. Около метро "университетская" меня поймал человек, который вник в мои проблемы и не только сообщил, что магазин "Свет" тут есть неподалёку, но и проводил до места, помог купить и обогреватель, и трансформатор (в высотном здании было напряжение 127 вольт, а не 220). Реакцию своих "доброжелателей" описать не берусь: если и была, то они из самолюбия постарались от меня скрыть её.

Так началось моё "самостоятельничанье", которое позволило мне выжить после университета, когда секретари нам вдруг стали "не положены". Рассчитывали, что ли, на "залповое" (залпом, одновременно) бракосочетание всех слепоглухих выпускников сразу, - дабы "подруги" и "друзья жизни" секретарей заменили?..

Да нет, ни на что наше руководство не рассчитывало. Не нужны мы им были - вот и всё. Идеологические "сливки" они уже с Ольги Ивановны Скороходовой слизали, - с "первой

советской" и "лучшей в мире", "самой высокоразвитой" слепоглухой женщины, автора известной книги "Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир". А про нас, слепоглухих выпускников МГУ 1977 года, когда встал вопрос о создании нам нормальных условий работы и быта, некий чиновник Академии Педагогических Наук СССР сказал: "Нечего создавать в Академии республику слепоглухих!" Так передали нам наши непосредственные руководители, объясняя, почему у нас, ставших Младшими Научными Сотрудниками Научно-Исследовательского Института Общей и Педагогической Психологии АПН СССР, нет и не предвидится секретарей именно тогда, когда они, казалось бы, особенно нужны.

Да, с такими "доброжелателями", как тот академический чиновник, недолго и умереть от счастья, что живёшь в самой счастливой в мире стране. И не всё ли равно, сдохнешь ли ты, самостоятельная на улице, от бандитского ножа, - или от голода, боясь высунуть нос за дверь своей квартиры?

Я немножко преувеличиваю. Совсем немножко...

Вам надо знать, на что способны мы,
Чтоб не напомнить, пусть и поневоле,
О нашей сверхнесправедливой доле, -
Прожить в объятьях тишины и тьмы.
Когда купил я что-нибудь в буфете,
Без помощи на лифте съехал вниз, -
Спросите не стесняясь: как ты это?
Мол, как без нас сумел ты обойтись?
Ответить рад словами и показом.
Тут обижаться не на что, Друзья.
Что мне по силам, видя раз за разом,
Всё больше верить будете в меня.
Страшней обиды нет для человека,
А горя тяжелее и больней:
Что сам сумел бы - делать под опекой
Хотя бы самых дорогих людей.

1 апреля 1976

Распространённый предрассудок: если слепому напомнить о его слепоте, глухому - о глухоте, а тем более слепоглухому - о слепоглухоте, - то не миновать истерики, обиды. И отчасти это верно. Да ведь всё дело в том, как напомнить. Обидно, когда обзывается здоровый: ах ты пень глухой, слепень назойливый!.. Обидно недоверие твоим возможностям, неверие в твои силы на том основании, что ты такой-сякой дефектный.

Но желание понять и вместе преодолевать сложности - такое желание обидным быть не может. Побольше бы нас спрашивали о том, что и как у нас получается, побольше бы нами искренне восхищались, побольше бы пробовали научить ещё чему-нибудь, чтобы сфера получающегося хоть немного расширилась. Поменьше бы нас держали взаперти, побольше бы помогали жить самим, в чём только можно независимо.

И при этом не читали бы нотаций, не проповедовали бы вред опеки и потребительства, не твердили бы, что никто, кроме тебя, не может, - а на самом-то деле ты понятия не имеешь, как сможешь. Лучше бы

попробовали смочь вместе, а то получается демагогический отказ от помощи: никто, кроме тебя, не сможет, ну и делай сам, ни на кого не рассчитывай, а если ты не уверен в своих возможностях, так это твоё личное дело...

С одной стороны - опека, а с другой - "сверхдоверие", больше смахивающее на равнодушие: мол, как знаешь, так и выкручивайся. Ей же ей, уж если выбирать из двух зол меньшее, - между опекой и "сверхдоверием", - то я бы выбрал опеку. её можно потихоньку-полегоньку ограничить, убедить опекуна, что ты можешь куда больше, чем ему казалось. А

"сверхдоверие" пробить можно разве только самоубийством, да и то сомнительно. Он "доверит" тебе покончить с собой, да ещё похвалит: какой молодец, даже это сумел самостоятельно, несмотря на слепоглухоту. Притворялся, должно быть, слепоглухим. Вот бы теперь сам себя и похоронил бы!

Спрашивайте, спрашивайте! Старайтесь нас понять! Мы рады вам в этом помочь. И надеемся, что, поняв нас лучше, вы в какой-то мере облегчите жизнь нам, а мы - вам.

Односторонней помощи ведь не бывает. Односторонней бывает опека, обслуживание. Односторонним бывает "сверхдоверие", равнодушие. А помощь бывает только взаимной.

И снова горечь, боль и зависть
По нервам хлещут, как всегда.
В природе нет совсем стыда, -
Слепоглухим навек оставить!
С детьми суметь поговорить,
Рукой не слушая - лаская;
Ничуть в беседу не вступая,
В неё включённым все же быть, -
И вся мечта. Непостижимо
Мечтать бесплодно о таком
Для всех доступном и простом, -
И большинством едва ценимом!
О стену бьёшься головой,
И к никотину тянет с горя...
Зачем тогда, с болезнью споря,
Ты учишься - полуживой?..

19 июня 1976

Да уж, какой у природы стыд... Она, как и Господь Бог, творит безответственно. И можешь вопить от безысходной боли, пока голос не сорвёшь. А насчёт большинства людей известно: что имеем - не храним, потерявши - плачем.

Вот только вопрос, природа ли виновата в моей беде? Или виноваты искажения природы, причина которых - "социальный фактор", то бишь условия жизни в обществе?

Я родился через восемь лет по окончании Великой отечественной войны. Но родился в провинции, где послевоенный голод продолжался долго. Родители перебивались от полочки до полочки, в сплошную коллективизацию оба осиротели, воспитывались в детдомах, так что голод по ним прошёлся и довоенный, и военный, и послевоенный. Среди прочих

предположений насчёт причин моей слепоглухоты есть и такое: нарушение наследственности ещё в материнской утробе из-за неполноценного питания. А уж полноценного питания на рубеже 1952 - 1953 годов у моей мамы быть не могло. И выходит, что я - жертва войны и прочих "ухабов" советской и мировой истории. Жертва общества, которое в соревновании с природой и Богом займёт, несомненно, первое место по безответственности. А должно бы занимать - если всерьёз претендует на разумность - первое место по ОТВЕТСТВЕННОСТИ!

Э, да мало ли как должно быть... Считайся с тем, что есть, - хочешь не хочешь. И расплачивайся, как общепринято спокон веков, за чужие преступления своими "дефектами", а в переводе на русский - своей изувеченностью. Ты вправе слать проклятия, но всё-таки адрес не грех уточнить. Виновата ведь, по зрелом размышлении, не природа-матушка. Виновато общество-батюшка. Вот ему свои проклятия и адресуй. Дело, кстати, не совсем бесполезное: по крайней мере самому легче станет, хоть ненадолго. Да вдруг твои проклятия и услышаны будут, то бишь прочитаны этим самым обществом, если оно допустит их публикацию, не придерётся к малой художественности формы и непотребству содержания...

ЗЕМЛЯКАМ

Простите меня, земляки,

Что дома сижу, приезжая.
Я дружеской вашей руки -
Протянутой - не отвергаю.
И я не с того домосед,
Что брезгую кем-то, а просто - ни слуха, ни зрения нет,
И страшно мне сунуться в гости. сидеть молчаливой бедой
На дружеском вашем пороге,
А мучиться
и слепотой,
Но больше всего глухотой, -
Простите! -
Отрады немного...

30 июля 1976

Глухота больше мешает общению с людьми, больше мешает быть в компании, а не рядом с компанией. Больше, чем слепота. Поэтому глухоту я всегда переживал тяжелее. Через много лет я буду не прощения просить, не извиняться за свою "нелюдимость", а упрекать, яростно обвинять в том, что меня держат рядом с общающейся компанией, не пускают внутрь. А пока знаменательно: я уже догадываюсь, что дело-то не в слепоте и не в глухоте самих по себе, а в людях и в отношениях между ними.

КАК И ВСЕ

Вы - студенты,
Как и все.
Подчиняйтесь,
Как и все,

Беспорядкам,
Как у всех,
И порядкам,
Как у всех.
Не готовы,
Как и все,
Но сдавайте,
Как и все,
Не экзамен,
Как и все, -
Лотерею,
Как и все.
Не хотите,
Как и все?
Не взыщите,
Как и все:
Послабленья,
Как и всем,
Вам не будет,
Как и всем!

12 января 1977

Это не про нас. У нас и для нас послаблений хватало. Дело в распространенном принципе: "Никаких скидок на что бы то ни было!"

Убеждён, что принцип сам по себе бесчеловечен. Так людям заранее, с циничной откровенностью, отказывают в какой бы то ни было помощи. Всем людям, а инвалидам в первую очередь. Мол, приспичило тебе быть наравне со всеми, так и выкручивайся как знаешь, равняйся сколько хочешь, на кого хочешь, но раз решил притвориться здоровым, то с тебя и спрос как со здорового. А не здоров, инвалид, - так чего пришёл, отправляйся в свою богадельню, в любую, по выбору или без выбора, инвалидную резервацию.

Хуже всего, что инвалиды-то зачастую принимают и разделяют такое к себе отношение. В нашей группе слепоглухих студентов тоже были охотники равняться на "всех". В этих "героев" я и целил. Такое "равнение на всех" отражалось на учёбе не лучшим образом, приводило к требованиям подражать учебным формам, приспособленным к зрению и слуху, - вместо того чтобы искать возможности учиться без зрения и слуха не хуже, а удастся - так даже лучше зрячеслышащих. Стремление "учиться по-зрячеслышащему" я называл "ложным героизмом" и был ярким его противником. Если уж соперничать со здоровыми, то в результате работы, а не в способе получения этого результата. На том я стоял ещё студентом, на том же стою и ныне, и во веки веков, аминь!

Кто я? -

Неполноценный человек.

Я - идиот, себя талантом мнящий.

И чувства все мои, весь интеллект - слабее, чем у слышащих и зрячих.

С кем наравне задумал быть, балда?! Я - лилипут, задравший нос без меры.

Со мною снисходительны всегда, И не лишат в себя счастливой веры. Я нужен великанам, как объект Тщеславной жажды проявлять гуманность. Я - экспонат в музее "Человек",
В разделе редкостей "курьёз и Странность"...

17 марта 1977

Вот, как и положено по законам диалектики, количество и перешло в качество...

Да, я раньше сетовал на слепоглухоту. Время от времени по разным "мелким" поводам вздыхал, что слепоглухота чему-то мешает, чего-то лишает. Иногда я догадывался, что дело-то, собственно, не в слепоглухоте, а в отношении к ней. Но в следующий раз, по очередному поводу, я опять, правда с нарастающим исподволь надрывом, сетовал именно на слепоглухоту, да ещё на скуку. Но в полноценности своей я никогда не сомневался. Просто не задумывался, полноценный я или нет. Ну, понятно - физически, но как личность? Уверен был, что уж как личность - не хуже многих, даже лучше иных здоровых.

Я не мог самостоятельно погулять. Я не мог самостоятельно купить обогреватель, пойти в парикмахерскую, в баню. Я не мог без переводчика - без посредника - общаться в большой компании. Я никогда не увижу картины Репина. Я никогда не увижу звёзды. Я хочу быть зрячеслышащим. Я не хочу быть слепоглухим. Но раз уж так получилось, если я всё-таки слеп и глух, я хотя бы не должен сомневаться в своей личностной - человеческой - полноценности.

Итак, я не могу удовлетворять свои желания самостоятельно. А те, от кого это зависит, сначала, естественно, удовлетворяют свои. Брат собрался в кино. Сестра - к подружкам. У всех свои срочные дела, мне неизвестные. "Дела" - и всё тут, уж не обижайся. Потерпи без обогревателя. Померзни, ради бога. То есть - ради нас, ради наших "дел". всё большее било по мне то, что позже, в перестройку, назвали "остаточным принципом". Я - на остаточном принципе. Всегда. У всех. Всю жизнь. Можно ли с этим смириться? Кто как. Я - нет. Никогда.

И я задумался: а нельзя ли хоть часть своих желаний удовлетворять самостоятельно, никого ни о чём не прося? Я же знаю, где парикмахерская. Я же облазил в детстве немалые пространства вокруг своего дома. Мне же, в конце концов, совсем не нужно, чтобы около меня кто-то постоянно торчал. Любой прохожий переведёт через дорогу. Любой покупатель поможет купить, да и с продавщицей можно познакомиться. Любой пассажир посадит в автобус, где надо - выведет. Не любой, так второй, третий, какой-нибудь следующий! Я на "остаточном принципе" у своего постоянного окружения потому, что нужны слишком большие затраты времени. А прохожему не жалко минуты, чтобы перевести меня через дорогу; пяти минут, чтобы помочь в магазине; десяти минут, чтобы дождаться автобуса, которого он ждёт и сам... У меня же, говорят, понятная устная речь! А не поймут - записку написать можно заранее. Надо только довериться людям. Первым встречным. И многие проблемы резко упростятся.

И я решил довериться. Да другого выхода у меня и не было. А наше-то постоянное окружение именно первому встречному и не могло доверить наших драгоценных особ! Не укладывалось в голове, охватывал ужас.

А вдруг попадут под машину? А вдруг какой-нибудь маньяк прирежет, не разбираясь, кто перед ним?

- Да это же один шанс на тысячу! - защищался я.

- Хватит и одного шанса из тысячи, чтобы отправиться на тот свет,

- отвечал Эвальд Васильевич Ильенков, очень, может быть больше, чем по-отцовски, меня любивший.

Не в силах вынести "остаточного принципа", я доверился первым встречным тайком. Но всё тайное рано или поздно становится явным. Мои тайны всплыли наружу, разумеется, почти мгновенно. И обросли душераздирающими домыслами "спасавших" меня знакомых, - домыслами, которым поверил Эвальд Васильевич, а я так и не сумел его убедить, что ничего особенного не произошло. Ст'ойт, пожалуй, рассказать об этом подробнее...

Шла экзаменационная сессия июня 1976. Мы находились в университетском профилактории, в высотном здании близ метро "Университетская". У меня несколько дней подряд болела голова, и я решил проветриться. Одному болтаться вокруг здания было скучно, звал товарища, но он не пошёл. А я больше не мог без свежего воздуха.

13 июня, в воскресенье, около пяти или шести вечера, я вышел на улицу. Дошёл пешком до самых Ленинских Гор. Прохожие были редки; движение машин - тоже. Места были уже знакомые. Дороги я переходил на перекрёстках, где люди всё же попадались чаще. В общем, рисковать переходом дороги в одиночку не пришлось, да я и не решился бы.

Так я добрался до смотровой площадки, спустился по лестнице в парк и пошёл бродить просто так по асфальтовым дорожкам, не боясь заблудиться (во-первых, у меня всегда была отличная пространственная память; во-вторых, все перекрёстки я тщательно обследовал по краю, запоминая, из какой аллеи вышел, и решая, по какой идти; в-третьих, по случаю воскресенья народу в парке хватало, и я всегда мог попросить вывести меня к метро, если бы заблудился). А в районе метро "Ленинские горы" все уже было изучено.

Нагулявшись, я решил обратный путь проделать на метро. Асфальт был выщерблен, наконечник трости всё время застревал, а к станции метро вела длиннейшая лестница, которой я боялся не заметить. Лететь же над этой самой лестницей, не касаясь ступенек, с жестоким растяжением голеностопных связок в результате, мне довелось, ещё когда я был воспитанником Загорского детдома, - ездили на экскурсию, педагоги не доглядели...

Ко мне подошли двое, которые, видимо, издали наблюдали, как я робко пробираюсь вдоль края аллеи. Я попросил их помочь мне спуститься, проводить до входа в метро. Быстро (в этом я никогда не стеснялся) скользнув пальцами вверх по рукавам каждого из них, я обнаружил на плечах погоны. Тем лучше. Люди с погонами спокойнее и сообразительнее. Я объяснил им, - и они сразу поняли, - что мне надо писать крупные печатные буквы во всю правую ладонь, и мы двинулись.

Они уже готовы были отпустить меня дальше одного, но я не сразу нашёл дверь в метро, уткнулся в гладкую каменную стену правее (стена тёмная, дверь тоже тёмная, с моим светоощущением не разберёшь). Тогда они, как часто бывает, решили помочь мне до конца - до поезда хотя бы, если не до университета. И пошли со мной дальше. Я этому был только рад.

Но тут случилось несчастье, которое в каком-то смысле отравило мне всю оставшуюся жизнь.

У турникетов произошла заминка. Кто-то заговорил со мной дактильно, - неуверенно, так как научился недавно. Мы с этим человеком познакомились на квартире у Эвальда Васильевича недели за две или три перед описываемой прогулкой. Нежданный знакомый взялся довести меня домой. Я попросил пойти по улице, так как голова ещё побаливала, и всю дорогу до университета уговаривал знакомого ничего не рассказывать Эвальду Васильевичу, чтобы зря не расстраивать человека. Он обещал...

На следующий день Эвальд Васильевич, придя к нам в профилакторий, первым делом спросил меня, что вчера произошло. Я искренне ответил, что ничего особенного. А надо сказать, к Эвальду Васильевичу я относился прямо-таки свято; вообще не умея врать, ему я врать не стал бы ни в коем случае, - слишком любил и уважал его, и врать ему считал настоящим кощунством. Я сказал ему правду. С моей точки зрения, действительно ничего особенного не произошло: мне понадобилась помощь; я обратился за помощью и получил её, -

не всё ли равно, от кого; встретился знакомый, и надобность в помощи посторонних отпала; только и всего.

- Ты смеешь ещё врать! - воскликнул Эвальд Васильевич, резко отбросив мою руку.

Моим "враньём" он был потрясён даже больше, чем тем, что ему уже было "известно". А "известно" ему стало в ту же ночь, что трое патрульных дружинников приняли меня за шпиона и волокли в отделение милиции на предмет выяснения личности, что я орал на все Ленинские Горы и вырывался от дружинников, которые заламывали мне руки...

Сколько ни пытался я рассказать Эвальду Васильевичу подробную правду про тот случай, он твердил, что пятнадцать лет назад сам не поверил бы в мою слепоглухоту, принял бы меня за кого-нибудь другого. Моя правда по тем временам оказалась чересчур невероятной, чтобы в неё поверил даже такой крупный мыслитель, - тем более, что он меня безумно любил и потому за меня безумно боялся.

А я был так травмирован недоверием любимейшего человека, что вечером 17 июня хотел повеситься (не нашёл, куда привязать верёвку, да и не умел делать петлю, что оказалось не так-то просто, - убедился через два с половиной года при следующей подобной попытке). Утром 18 июня 1976 года я начал курить...

Мне было очень плохо. Я не спал ночами, навзрыд писал стихи, и наконец дошёл до такого состояния, что плакал безостановочно. А слез я стыдился. Кругом было много посторонних. Просить у врачей помощи не хотел, - нежелательны были расспросы, что случилось. Сейчас думаю, у людей хватило бы деликатности ни о чём не спрашивать, но я был, как говорится, маленький и глупый. Я где-то читал, что сигареты помогают успокоиться. И я совершил ещё одно преступление: сходил к метро "Университетская", несмотря на строжайший запрет выходить за проходную, нашёл там с чьей-то помощью табачный киоск, где и купил первую в своей жизни пачку сигарет и первый коробок спичек. Зажигать спички я не умел, прикурить никак не получалось. Приноравливаясь, я сильно обжёг пальцы. В тот день я выкурил (вернее, выдохнул - не умел

затягиваться) пять сигарет, совершенно от них одурел, зато и вправду не плакал.

Так рухнул мой детский мир. Так я начал курить. И вдобавок нажил ещё один невроз - глубоко скрытый комплекс неполноценности, недоверчивого скепсиса к любым заверениям, что я полноценен как личность. В глубине души я усомнился не только в искренности таких заверений, но и в своей человеческой полноценности.

Итак, "остаточный принцип"; конфликты из-за попыток освободиться от него, самостоятельно решая свои проблемы, в том числе конфликт с любимейшим, святым для меня человеком, - всё это и, может быть, не только это привело к резкой, пугающе острой постановке проблемы уже не столько физической, сколько именно личностной, человеческой полноценности. Мне предлагали смягчить концовку стихотворения "Кто я? - неполноценный человек..." банальным вопрошанием: "Ужели так?.." Я тоже пробовал её смягчить. Не вышло. Не смягчается. Сразу - фальшь, сразу - неправда.

Трагедия началась.

Я никого не обокрал -
Природой сам обобран.
Я инвалидом вечным стал -
Предмет участия добрых.
Учиться, знания поглощать,
И в этом видеть счастье...
А знания те куда девать?
Чтоб на трибунах хвастать?!
И не поможешь тут ничем,
Советы все без толку...
А жить охота между тем -
Не инвалидом только.
Я интересен потому, что тяжело недужен. А
так - здоровый - никому Наверно б не был
нужен. Больной простое одолел - Здоровый в

удивленье... А так бы и не посмотрел На это
достиженье. Скажите, разве не такой Весь мой
успех? - Такой же. Смотрите, мол, слепоглухой
- На что-то годен всё же!

8 мая 1978

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Первый муж науки Слепы,
глухи... Я терплю - Никуда не денешься!

Лишь народные в трубу
Вылетают денежки.
Всё ж не богадельня здесь,
Чтобы мы им трафили!
В их работах только есть
Факты биографии.

Второй муж науки

Все они ученики -
Вовсе не специалисты!
Это факты - вопреки
Славословью журналистов.
Кем ни мнят они себя -
Ровно с кроликов с них толку.
Не наука их судьба -
Около науки только.
Их придётся призывать
(Тайно презирать, конечно).
Мы гуманны. В шею гнать -
Было бы бесчеловечно.

Общий гневный вопль мужей науки Слепы, глухи...

Век возись!
Да на кой они сдались, -
Эти потребители
И баклушебители!
Около науки тлеют,
Скоро вовсе отсыреют,
И не вспыхнут никогда...
А не выгнать - вот беда.

Сами слепоглухие психологи

Как наша совесть? Есть ли муки?
Одна обида? А не зря?
Чёрт знает, вдруг мужи науки
Всю правду режут за глаза?
Вдруг нам чужое чье-то место
Занять случайно привелось?
Освободить бы надо честно, -
Не карьеристы мы небось!
А нам самим куда деваться,

Коль нам под солнцем места нет?..

Как ни охота задержаться,
Одна дорога - на тот свет.
Туда всегда успеем, впрочем...
Не на особенном счету,
Так проживём на самом общем, -
У близких только на виду...

...Знать бы нам, чего от нас хотят!

Смочь бы, коль хорошего хотят!

Заморочили уже совсем.
Не осталось никаких проблем,
Кроме знаменитой: быть - не быть.
Для чего и как нам дальше жить...
Хоть бы кто-то честно ободрил,
Этим волю к жизни оживил.

Не понять, чего от нас хотят...
Наплевать, чего от нас хотят!
Разобраться б нам в самих себе -
В нашей перепутанной судьбе.
Знать бы нам, в конце концов, самим,
Смочь бы - чего сами мы хотим!

4 - 5 марта 1985

Прошу обратить внимание, когда написано. На тот момент в руководстве нашего института не было ни одного друга покойного Эвальда Васильевича Ильенкова.

В строке "ровно с кроликов с них толку" имеется в виду ходячее выражение "подопытные кролики". Но мы не выполняли даже и этих функций, - или нам, как и положено подопытным кроликам, не было известно, в каких именно опытах мы участвуем.

Свою "человечность" наше тогдашнее руководство проявило в полной мере, пытаясь "трудоустроить" нас где-нибудь в системе Министерства Социального Обеспечения РСФСР, то бишь пытаясь "уточнить", по какому мы ведомству. Мы тогда остались в институте только потому, что никакому другому ведомству тоже оказались не нужны.

Времена меняются. Только и слышишь, только и читаешь, что специалистов-инвалидов сокращают из институтов, всяческих бюро и центров. А мы на месте, только теперь это место называется Психологическим Институтом Российской Академии Образования. Директор - академик Виталий Владимирович Рубцов. Мы теперь в разных лабораториях. Я - в группе Психологии Общения, Развития и Социореабилитации Личности. Заведует этой группой академик Алексей Александрович Бодалёв. Здесь мне помогли подготовиться к защите кандидатской (май 1994) и докторской (май 1996) диссертаций. У меня появилась физическая возможность работать в Республиканском Центре Компьютерных Технологий, созданном в системе Всероссийского Общества Слепых (меня постарались, насколько могли, обеспечить регулярным туда сопровождением). После защиты докторской диссертации Алексей Александрович помог мне договориться о курсе моих лекций с факультетом Дефектологии Московского государственного педагогического университета имени В.И. Ленина. Правда, с 10 декабря 1996 года мне пришлось остаться в родном институте на полставки, - с июля почти не было зарплаты, а у меня на руках мама, брат и сестра, и я принял предложение Бориса Михайловича Бим-Бада, ректора Университета Российской академии образования, перейти на полную ставку в его университет.

Пока мои тексты готовятся к печати, жизнь меняется очень быстро и довольно круто. Сейчас можно физически выжить только на нескольких работах, особенно если ты - единственный кормилец и поилец в семье. Нагрузка растёт, но растут и возможности, расширяются деловые и творческие контакты.

Всю мою жизнь рядом со мной всегда был кто-нибудь, кто воспринимал меня всерьёз, способствуя моему личностному и творческому росту. И мама, и Александр иванович Мещеряков, и Эвальд Васильевич Ильенков, и Борис Михайлович Бим-Бад, и многие другие. Были и есть отдельные люди, меня любившие, меня так или иначе растившие.

Но до группы А.А. Бодалёва не было такого КОЛЛЕКТИВА, именно НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО, в котором бы я действительно работал, а не только числился. До этой группы я в институте - числился, а действительно работал - где угодно, с кем угодно, только не в институте. В этой группе я с самого начала именно работал, ещё до того, как перешёл в неё официально.

Я хорошо знал, что значит быть сыном, любимым учеником, другом. У А.А. Бодалёва впервые, пожалуй, узнал, что значит быть КОЛЛЕГОЙ, а чисто личные, дружеские отношения возникли и развивались на основе

рабочих, творческих (до сих пор бывало наоборот - рабочие отношения росли из личных).

Я ни в коем случае не противопоставляю эти два типа отношений - индивидуальный и коллективный. Ни в коем случае не хочу сказать, что какой-то один из них лучше, а другой хуже. Нет. Оба варианта хороши, оба - лучше. Просто я хочу подчеркнуть, что именно у А.А. Бодалёва впервые узнал, что такое настоящий рабочий коллектив, в котором личные, дружеские отношения возникают из рабочих. И именно за счастье чувствовать себя членом настоящего рабочего коллектива, познанное ВПЕРВЫЕ, я особо благодарен этим людям - и самому Алексею Александровичу Бодалёву, удивительно доброму, сдержанному, немногословному человеку, умеющему несколькими короткими вопросами вдохновить на целую монографию; и доктору психологических наук, профессору Вилену Эммануиловичу Чудновскому, которого я назвал своим "научно-исследовательским папой", потому что особо доброжелательно, дотошно и плодотворно именно он критиковал мои диссертационные и другие научные тексты; и доктору психологических наук Юлии Борисовне Некрасовой с её ученицей, кандидатом философских наук Натальей Львовной Карповой, - через них, через обретение места в их работе с заикающимися, началось моё вхождение в этот коллектив; и доктору философских наук Виктору Тимофеевичу Ганжину, который, как Алексей александрович и Вилен Эммануилович, очень помог мне в работе непосредственно над текстом докторской диссертации...

Не слишком ли много имён? Нет, - мало. Названы далеко не все, кого надо бы назвать обязательно. Я вообще, особенно после защиты докторской диссертации и ещё одного события, о котором скажу немного ниже, чувствую себя (именно сейчас, в конце 1996) так, что впору только кланяться, кланяться и ещё раз кланяться, - благодарить, благодарить и ещё раз благодарить. О замечательных людях, обеспечивших мой личностный и творческий прорыв, надо рассказывать о каждом отдельно, детально, с особой благодарной наблюдательностью. Поводы для этого в книге ещё будут, - не в этой первой части, так в следующих. А пока - надо обязательно хотя бы упомянуть. И пойдём дальше, - эволюция моего отношения к слепоглухоте прослежена ещё далеко не вся...

БЕСПОЛЕЗНАЯ НАУКА

А был уже вечер.
Не поздний, но чёрный, осенний.
И днём-то безлюдье
на этом участке дороги...
И мнимый помощник
Потребовал вежливо деньги,
Чертя мне в ладони
буквы, печатные строго.
Он знает: не видя,
в лицо опознать не сумею.
К тому же не слыша,
и голос его не запомню...
Я понял: не дам ему денег -
он может и шею
Свернуть мне. Кругом же
безлюдье, не близко до дому...
Плачу за науку, -
Ведь шею подставить не лучше.
Допрыгался вот, -
на подонка таки напоролся.
Вновь буду один -
повторится сегодняшний случай.
Да не с кем обычно...
Так что от науки за польза?..

31 октября 1985

Вот он, тот шанс из тысячи, о котором мы когда-то спорили с Эвальдом Васильевичем. Меня не зарезали, правда. Наоборот, помогли купить зимние ботинки рублей за пятнадцать. И довели до дому. А по пути с остановки домой, выбрав особо тёмное и безлюдное место, выманили "взаимы" пятьдесят рублей. Немалые по тем временам деньги.

Больше ни разу ничего подобного со мной не было. Так что раскаяться в моей основной ориентации на всеобщую, пусть минутную, доброту, - не пришлось. Да и за негативные исключения из положительного правила тоже, в том или ином смысле, нужно говорить спасибо. Даже, по глубоко верному замечанию Ричарда Баха, за такое "исключение", как убийство.

У Баха есть эпизод расстрела лётчика-Бога из охотничьего ружья. Его ученик, тоже ставший "чудотворцем", наклонился над умирающим учителем, а тот пояснил, имея в виду своего убийцу: "Это был... Друг..." С этими словами и умер. А ученик не стал мстить. Просто уединился...

Ричард Бах - лётчик, ставший тяжёлым инвалидом и замечательным писателем-мыслителем, - знал, что говорил. Да, и убийство - иногда дружеская услуга. Да ещё какая. Надо очень постараться, чтобы заработать иную почётную ненависть и почётную смерть.

Да и без всякой почётной экзотики, выше уже говорилось о выборе, который встал передо мной после университета: голодать, сидя в четырёх стенах, - или "самостоятельноничать", ориентируясь на всеобщую, хотя бы минутную, доброту. Ну, а попал бы под машину, нарвался бы на маньяка, убивающего просто так, - ну что ж... Эта книга не была бы написана, множество людей не успело бы узнать о моём существовании, помочь мне выжить, зато и многих мучений, моей собственной прямой подлости, чёрной неблагодарности - тоже не было бы. Я бы погиб, не успев себя устыдиться. Насколько это "радужная" перспектива, пускай читатель судит сам...

Хорошо бы ушами, глазами
Жадно слушать, смотреть самому,
Никого не касаться руками,
И не лишнуть смолой ни к кому.
В уголок бы забиться укромный,
Чтоб не видел никто, потемней, -
И оттуда, про руки не помня,
Наблюдать дорогих мне людей.
Кто чем занят, о том хоть немного
Рассказать никого не просить,
Никого не тревожить, не трогать, -
И всюю любоваться, любить!..

8 октября 1986

Это уже тихое безнадежное отчаяние. Здесь и отзвуки любви к детям: ими не полюбуйтесь на ощупь...

"Липнуть смолой" - имеется в виду: настойчиво добиваться информации, перевода, - хоть полслова о происходящем вокруг.

Эвальд Васильевич любил у себя на кухне, за обеденным столом, забиваться в самый дальний угол. Лампа над столом висела так низко, что освещала только стол, а вокруг царил полумрак. И Эвальд Васильевич тихонько сидел в своём углу, вглядываясь и вслушиваясь в интеллектуально избранное общество, которое почти каждый вечер за его столом собиралось. С очками где-то посередине между лбом и теменем, - он всегда водружал их туда, если не надо было читать...

Когда приходил я, Эвальд Васильевич уступал мне свой любимый угол на кухне, так как собеседник всегда должен быть слева от меня, чтобы со мной вообще можно было разговаривать. Рядом с Эвальдом Васильевичем - может быть, с единственным, кроме мамы и детей потом, - хорошо было молчать. Просто сидеть рядом. Ощущать его присутствие. И держать руку вот так: четыре пальца на шее, слегка растопыр, во всяком случае не сдвинутые, а большой на горле. Эвальд Васильевич долго не мог

привыкнуть к такому положению моей левой руки у себя на горле. Бессознательно, может быть, он воспринимал это так же, как мой маленький племянник:

- Не души меня!

Слышащие не знают, всегда удивляются, когда я сообщаю им, что их горло обязательно вибрирует при каждом произведённом звуке. Не понимая значения звуков, я тем не менее всегда могу прикосновением к горлу определить, молчит человек или нет, и отличить обычную речь от пения. Племянника, кстати, я хотел "подслушать", как он поёт.

И Эвальд Васильевич, когда я тянулся к его горлу, поняв причину этого, иногда останавливал меня:

- Молчу, молчу...

Да, он молчал, вглядываясь и вслушиваясь в избранное своё общество. Главное - никого не касаясь! "Не помня про руки"! Я всегда хотел и хочу вот так же наблюдать из угла потемней...

Да, я зрячелышащий душой.
Телом всё-таки слепоглухой.
Можно приспособиться, друзья,

К той беде, но свикнуться нельзя.
Нет, смириться не могу с бедой,
И стихи пропитаны тоской.
Вам бы веселее что-нибудь...
Разрешите иногда вздохнуть
В час, когда от боли нет житья...
Меньше боль - вот польза от нытья.

8 октября 1986

Ах вы, глазастые! Дайтесь же в руки!
Знали бы вы, что за адские муки -
жить в пустоте, обжигаясь о взгляды, -
Взять меня за руки были бы рады.
Точно ребёнок, от боли скулящий,
Палец ваш ласковый цепко держащий,
Был бы я близостью вашей доволен...
Руки тяну. Хоть коснулись бы, что ли!..

8 февраля 1987

ЖАЛОСТЬ К СЕБЕ

Кто за беды свои
Угожденья лакейского ждёт,
Тот не знает любви,
Сам к себе же безжалостен тот.
Я жалею себя,
Потому что люблю - не себя.
Я жалею себя,
Когда видеть мечтаю тебя.
Как сидишь над доской,
Ищешь будущий шахматный ход,
Взгляд загадочный твой, -
Кто опишет, слова где возьмёт?
Я жалею себя,
Потому что люблю - не себя.
Я жалею себя,
Когда слышать мечтаю тебя.
Твой услышать бы смех,
В твой бы голос поющий нырнуть...
Но из горя наверх

Смею пальцы лишь робко тянуть.
Я жалею себя,
Недоволен своею судьбой:
Не касаясь тебя,
Мне бы смочь любоваться тобой.
Что про это пишу,
Благодарный за дружбу твою, -
Я прощенья прошу.
А слезы при тебе не пролью.

22 апреля 1987

Меня упрекали:

- Ты себя жалеешь. Ты очень себя любишь, вот и оплакиваешь заживо.

- Нет, - возражал я, - Неправда. Я себя не люблю. А вот правда - очень жалею себя и оплакиваю заживо, потому что люблю других людей, особенно детей, но не могу полноценно с ними общаться. Это стихотворение, кстати, обращено было к двенадцатилетнему мальчику. Но с таким же успехом я мог бы адресовать его любому дорожному мне существу, и прежде всего - маме.

Чёрт! В клетке грудной -
Опять громобой!
И гулко же сердце гремит!
Как та мерзлота,
Что в тундре - всегда, -
В нём горечь слежалась в гранит.
Глазами твой взгляд
Заметить бы рад;
Ушами - расслышать слова.
Никак не смирюсь,
И тем лишь держусь,
Что горечь потери жива.
Мой жребий такой:
Всё щупать рукой.
Как образы близких бедны!..
Не жалость - к себе,
А воля - к борьбе:
Она - не в забвеньи беды.

12 июля 1987

Написано в пионерском лагере "Салют", в Ленинградской области, под Лугой. Тогда я впервые в жизни провёл месяц в пионерском лагере. В детстве в лагерь не ездил. Так уж получилось, что моё "пионерское детство" началось, когда мне минуло 34 года.

Именно в "Салюте" я особенно чётко понял, что если слепоглухота - враг, то её ни в коем случае нельзя игнорировать. Какая же это "война", когда врага "игнорируют", а он бьёт тебя в хвост и в гриву! Нет, на войне, как на войне: за врагом внимательно следят; разведка - один из важнейших родов войск. Если не хочешь быть битым, не хочешь покорно подставляться под удары, - изучай, исследуй врага, доискивайся до причин, почему он тебя побеждает. И не притворяйся зрячеслышащим! Именно это притворство, это подражание зрячеслышащим во всём без разбора, в том числе - в условиях-то слепоглухоты - в заведомо недоступном, - вернейшее свидетельство твоей капитуляции перед слепоглухотой, твоей побеждённости ею. Будь самим собой, будь слепоглухим, чёрт возьми, и пытайся сравняться со зрячеслышащими во внутреннем качестве жизни, а не во внешнем образе, недоступном из-за слепоглухоты способе жизни.

Не хочешь, не можешь смириться со своей участью? Тогда вечная горечь - твой естественный и вечный удел. Естественный, ибо это показатель определённого, и весьма

высокого, внутреннего качества жизни, - борцовского, что ли, в том смысле, что ты каждую секунду борешься со своей участью, с которой не можешь смириться. Солдат на войне имеет право не только на ненависть к врагу, но и на естественную

человеческую горечь из-за экстремальности ситуации, из-за того, что он на войне, а не в мирной обстановке. Но что ж поделаешь... Воюй. С постоянной, слежавшейся в вечную мерзлоту, горечью в душе. Воюй, пока не погибнешь. Или - пока не кончится война.

Ах, Эвальд Васильевич, Эвальд Васильевич... Эта "вечная мерзлота" была в вас очень и очень заметна. Вы ходили сутулый, тихий, молчаливый, придавленный грузом собственной нелёгкой жизни и гигантской ответственности за мысль, за дух, за теоретическое достоинство человечества. Что бы вы ни делали, о чём бы ни говорили, - во всём проступала постоянная горечь.

Именно в "салюте", именно в июле 1987, понял я раз и навсегда, что моя война со слепоглухотой никогда не кончится. Всё это вымысел журналистов, - и ваше, Эвальд Васильевич, заблуждение, разделённое со многими и многими, не только с журналистами, - будто слепоглухоту можно победить иначе, кроме как вылечить. В статье "Становление Личности" вы неверно писали, сравнивая меня с полководцем А.В. Суворовым, что я-де, победив слепоглухоту, перешёл через Альпы куда более высокие, чем тот полководец. Нет, не победил я её. И, оставаясь физически слепоглухим, победить её невозможно. Победить слепоглухоту когда-нибудь смогут только врачи - научиться лечить и предотвращать её.

Оставаясь физически слепоглухим, победить слепоглухоту нельзя. Но можно побеждать. Всю жизнь. каждую минуту и секунду жизни. Повторяю и подчёркиваю: нельзя победить, а побеждать - можно. И умереть, побеждая, наконец-то победив.

Вот какое понимание дала мне первая в жизни поездка в пионерский лагерь.

В нормальную жизнь ты хотел нырнуть
(Она и не против бы вроде),
Но, как пенопласт, ты не можешь тонуть
Такой вот, как есть, - по природе.
С твоим погруженьем и смех, и грех:
Друзья помогают, пыхтят,
А чуть отвернутся, - ты вновь - наверх,
И всё начинай опять.
Физически слеп, физически глух,
И маешься - в стороне,
Каким бы внимательно-зорким твой дух
Ни был - вдвойне, втройне.
Поэтому - горечи не избыть.
Несбыточное - преследуешь:
Чем больше - нормально хочется жить,
Тем больше - на жизнь и сетуешь.

29 июля 1987

"Нормальная жизнь" - это жизнь зрячеслышащих людей, а непосредственно в этом стихотворении, написанном ещё в лагере, - детей.

На пенопластовую доску ложатся животами детишки, не умеющие плавать, или в обнимку с доской болтают в воде ногами, пытаясь куда-то

продвинуться. Пенопласт непотопляем по своей природе. Так и я "непотопляем" в нормальной жизни из-за слепоглухоты.

В своей прозе я вскоре нашёл ещё более точное сравнение: я - как рыба, вдруг ставшая легче воды. Вода её всё время выталкивает, как пенопласт. Но если пенопласт плывёт себе потихоньку, безразличный, погружён он в воду или одну сторону сушит на воздухе, - то рыба мечется, бьётся о поверхность открытого океана, как об лёд, пытаясь погрузиться. Вот и я изо

всех сил пытаюсь ворваться в нормальную жизнь, хоть немного отдышаться в ней. Это и значит - всю жизнь побеждать слепоглухоту.

Чем зорче, внимательнее, зрячеслышащее дух, душа, - тем тяжелее переносится физическая слепоглухота, о чём прямо и сказано в концовке стихотворения. Так не лучше ли слепоглохому телу и душу иметь слепоглухую?.. Я не раз слышал и вопросы такие, и утвердительные на них ответы. А ну-ка, проделаем мысленный эксперимент: что было бы, если бы я не был духовно зрячеслышащим? Если бы, в полной "гармонии" со слепоглухотой тела, я был бы слеп и глух так же духовно?

Ну что ж, ответ напрашивается: меня бы не было. Не было бы такого человека, то есть такой личности. Я бы не жил вообще.

Лучше или хуже это - если бы я не состоялся как человек, как личность, пусть даже в экстремальной ситуации слепоглухоты?.. Смотря для кого. Для человечества в целом, бесспорно, хуже. Ему нужна, драгоценна каждая состоявшаяся личность. Не так уж и много их у него за всю историю. Да и были бы личностями всё поголовно - все равно ни одной "лишней".

Для человечества ответ ясен. А для меня?.. Ох... Ох - и ещё раз ох. По-всякому. Иногда горжусь, даже искренне называю себя счастливым. Ибо, действительно, трудной своей доли, невыносимой, нестерпимой подчас духовной элитарности, на обывательское прозябание не променял бы. Ни в коем случае. А иногда... Хочется умереть. Ибо обывательское прозябание для меня хуже даже смерти. Духовное небытие, бездуховность, - хуже физического небытия. И если вовсе не вмоготу напряжённая жизнь духа, то лучше физическая смерть, чем существование без жизни - прозябание.

Да, не слышу вас и не вижу.
Что я рядом - едва ли помните...
Мне ни слова в ладонь не выжмут
Все, сидящие в той же комнате.
От людей уж невольно как-то
Отстраняюсь и сам - презрительно.
Что работает тут за фактор?
Отчего мне жить - всё мучительней?
Если жить мне осточертело,
Что-то есть в душе - неисправное.
И боюсь не успеть доделать,
Недописанным - бросить главное.
А нужна ли кому страница
О души тяжелеющем бремени?..
...Я смертельно устал - бодриться,

Притворяться - "героем времени".

1 января 1988

Клянусь, я сам удивлён, что каждое - или почти каждое - следующее стихотворение продолжает по мысли, или подтверждает, комментарий предыдущего. Такова уж логика предмета исследования, взятого к тому же - во всяком случае, в лирическом своём выражении, - строго хронологически. В общем, получается, что книга как бы сама себя пишет. Ну что ж, тем лучше для меня и, хочу надеяться, для читателя...

Уронить себя с моста
Да на рельсы - неспроста.
Потерять себя в лесу,
Чтобы некуда - слезу,
Чтобы некому - ходить
У могилы погрузить.

Сгинуть, чтобы у людей
Стёрлась память побыстрей:
Не рождался я на свет,
Не было меня - как нет...
...Стою на краю могилы.
Давно впереди - ни зги.
Последняя капля силы
Истрачена - на стихи.
Упорно молчат усопшие.
Не трогает их слеза.
Но совесть - живая - ропщет:
Так - молча - уйти нельзя.
Не нудное завещанье
(Смешной нормативный акт),
А вежливое прощанье,
Последний с людьми контакт.
Прощайте. Отныне, дескать,
Здоров я - не глух и слеп.
Прошу не принять за резкость:
Мне жизнь была - сущий склеп.
На нормы здоровых тщетно
Равняться - обрыдло мне.
И счастлив я, хоть посмертно,
Со всеми быть наравне.
...Безысходность... А может, чудится?
Вдруг хороший исход да сбудется,
И ни гибели, ни грызни тебе...
Лишь бы выдержать. Лишь бы вытерпеть.

8 - 9 октября 1989

Про "последнюю каплю силы, истраченную на стихи" - намёк на фразу из письма Эвальда Васильевича ко мне, написанного 12 августа 1974: "Пока есть капля силы - надо бороться. За то, что ты считаешь мудрым и человечным".

Молчание мертвецов для меня всегда было загадкой. Как говорится, "умом" всё понимал - не молчит покойничек, никак не может он

реагировать ни на что, хотя бы и молчанием, потому что нету больше человека, способного реагировать, а есть одна лишь туша, грубо говоря. Но всё равно на ночных бдениях у гроба поражался: обращаются к нему, разговаривают с ним, воют, голосят, кашляют от судорожных рыданий, зовут, - а он хоть бы шевельнулся... Ужасная, непостижимая безучастность. Я, кажется, на его месте не выдержал бы, встал бы из гроба, хоть улыбнулся бы смущённо на весь этот вой и возню вокруг моей персоны (представляю, скольких уронила бы эта улыбка в обморок!)... А он знай себе лежит. Холодный. Безучастный. Молчит.

Ну вот, приехали. От огорчения по поводу всяких неудобств, со слепоглухотой связанных, - к осознанию того, что я у своего окружения "на остаточном принципе"; от бунта против "остаточного принципа" - к трагедии комплекса неполноценности; и наконец - мечта, именно мечта о смерти, как о чём-то самом желанном. Самая настоящая мечта об избавлении от мук. Правда, с тенью надежды на какой-нибудь иной "хороший исход". Жить окончательно не хочется. Что же вынуждает жить? Об этом ниже, в других частях исследования, но, в общем, то же самое, что вынуждало жить Эвальда Васильевича. Долг.

И ещё - почему не хочется жить? На этот вопрос я нашёл ответ, когда меня попросили в Екатеринбурге побеседовать с ранеными из Афганистана, Чечни, - побеседовать именно о суицидном комплексе, о нежелании жить. Я решил перед ними, по обыкновению, исповедоваться, проследив, когда именно, в какие критические моменты жизни, по каким поводам - жить не хотелось. И сам собой нашёл ответ - почему не хотелось. Ответ оказался неожиданно простым и очень оптимистичным.

Жить не хотелось - потому что именно хотелось. Только не всё равно - как. Не хотелось не жить, а прозябать. Бессмысленно существовать. А жить как раз очень хотелось - жить полноценно, в горении творчества и любви. Только так, и никак иначе. И если не получалось - именно так, то не хотелось - вообще никак.

Во всяком случае для меня - это абсолютно точно. И никаких других причин для суицидных, "недозволенных", как я их назвал ещё в студенческие годы, настроений - никогда у меня не было. Если вообще, когда бы то ни было, не хотелось жить, то лишь потому, что хотелось жить - полноценно. То есть всё дело, таким образом, не в нежелании жить вообще, а просто в определённом качестве жизни. Хотелось одного качества, и категорически не хотелось - другого.

Насколько универсален этот ответ, абсолютно точный именно для меня? Иными словами, для всех ли он так же точен? Всем ли не хочется жить потому, что хочется жить совершенно определённым образом? Думаю, что да. Другое дело - каким именно образом. Достойным звания Человека

- или, может быть, как раз недостойным, но более лёгким. Иными словами, всё дело в том, оттого ли индивид бесится, что ему слишком трудно - или оттого, наоборот, что ему слишком легко. Мол, если вы не будете подтирать вместо меня мою собственную задницу, я жить не хочу. Так тоже бывает, и я не прошу прощения за нарочитую грубость образа. Чего уж тут смягчать, деликатничать... Этакая позиция ничего, кроме презрительной насмешки, не заслуживает. Встречается же такая позиция как у инвалидов, так и у вроде бы здоровых.

Но чтобы жить не хотелось так-таки вообще? Как бы то ни было?

Невероятно. Хотя, конечно, человек может это утверждать. Но не могу допустить - чтобы с полной искренностью. Лукавит, - может быть, перед самим собой, и уж вне всякого сомнения - перед своим собеседником.

Мол, вот тебе, непрощенный утешитель (или обвинитель). Кушай с булочкой. И попробуй найти хоть какие-нибудь аргументы против моего суицидного взбрыка. (Чуть не сказал грубее, - насчёт взбрыка, - но хватит и уже сорвавшегося только что ругательства.)

В общем, думаю, так не бывает, чтобы жить совсем не хотелось.

Жить может не хотеться - только определённым образом. Либо так, как заставляют, либо так, как приходится. Но только - никак не "вообще".

Должно быть это всё же тайной,
Пусть предназначенной для всех,
Посмертно изданной случайно, -
Моя тоска, мой смертный грех.
Безмолвья, мрака неприятье.
Отказ зависеть в ерунде.
Порыв отчаянный к собратьям
В любви взаимной - не в беде.
Всё в мире - немо, глухо, слепо...
Ждать перевода - твой удел...
И - головой об стенку склепа:
Для смерти ты ведь не созрел.

3 - 4 ноября 1989

В зубах навязло выражение: "товарищ по несчастью". В чём другом, а в этом быть "собратом" и "товарищем" мне никому не хотелось бы. То ли дело - во взаимной любви, во взаимном притяжении не потому, что беда общая, а потому, что счастливы самим фактом существования друг друга, - потому, что мы друг для друга драгоценны, бесценны, высшие ценности во всей вселенной. Тогда и общая беда не разбросает нас, мы останемся товарищами и собратьями, - в лютом горе тем более, чем больше любим и ценим друг друга просто так. Не в горе, а в счастье, не перед лицом общей беды, а перед лицом любви, должны объединяться люди. Не насильственно, а добровольно.

Ну, оказались мы в одной яме, стали вместе вылезать, вылезли, - и кто куда. Вместе остались только те, у кого возникло, или ещё раньше было, что-то общее, кроме злополучной

ямы. Просто в экстремальной ситуации мы открыли друг друга для себя, как не открыли бы, может, ни в какой другой...

Изначально мы - товарищи по человечеству, собратья по роду, которых общая беда может объединить в общество глухих, общество слепых, общество инвалидов или ассоциацию слепоглухих. Но держатся-то все эти организации чем? Неужто общностью несчастья? Нет, общностью борьбы с несчастьем.

Сподручней вместе устраиваться в яме (если уж никак не выбраться), и вместе же вылезать из ямы. Ну, а в борьбе с общей бедой почему не возникнуть и подлинной общности - человеческой, а не "слепо-глухо-немо-хромой"?..

Вот почему я не вижу никакой трагедии в том, что мы, "четвёрка" Александра Ивановича Мещерякова и Эвальда Васильевича Ильенкова, - те четверо слепоглухих, что в 1971 - 1977 годах учились на Факультете

Психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, - что эта четвёрка разбежалась.

У нас мало было общего, - мало для реального единства. Нас объединяла главным образом слепоглухота. Мы, в основном, не любили друг друга. Больше соперничали между собой. И поэтому, едва устроившись в жизни, то есть как только выбрались из общей ямы, - пошли каждый своей дорогой. Может быть, в конце концов - каждый в свою яму. Но хоть и яма, да у каждого своя, - делить нечего, соперничать больше не в чем. Все попытки держать нас вместе, взывать к нашей мнимой дружбе и солидарности в несчастье, приводили только к серии конфликтов. Наши индивидуальные возможности в какой-то степени игнорировались, как только их реализация грозила выдвиганием кого-то из нас на некое "особое место". Кажется, мечтали даже о том, чтобы и кандидатские диссертации, как университетские дипломы, защищались нами одновременно...

Это всё, конечно, не нарочно, не со зла. Нас очень любили. Но уж такое было время - "коллективистское". Никто в стране не имел права на личную судьбу. Тем более мы - живые символы, живые доказательства, свидетельства "торжества социалистического гуманизма". Как только мы, "ни с того ни с сего", вопреки всем усилиям удержать нас вместе, начали один за другим сворачивать каждый на свой жизненный путь, - к нам потеряли интерес. По крайней мере, наверху. И "заморозили" в достигнутом состоянии, не желая создавать "республику слепоглухих", не желая выделять средств ни на секретарскую помощь, ни на перепечатку специальной литературы рельефно-точечным шрифтом Брайля. Любой мой годовой научный отчёт сразу писался в расчёте на публикацию, но мало что удавалось напечатать.

...Да, я договорился до мечты о смерти. Да, это, конечно, с отчаяния, хотя повторится ещё не раз. Но обращаю внимание на концовку последнего стихотворения: я бьюсь головой об стенку склепа именно потому, что не созрел для смерти. Потому, что мне надо жить. Или - хочу жить!

В конце концов, не одно ли это и то же - "надо" и "хочу"... Ведь, когда мы изо всей-то силы-моченьки ломимся в занятый туалет, нам и очень надо, и очень хочется, и просто невтерпёж! Кто, под каким микроскопом отличит в этой ситуации "хочу" от "надо"?!

А мы-то, коллективисты казарменные, столько десятилетий, усердствуя не по разуму, старались отличить!

Я инвалид, и все мои права,
Обязанности все мои - в "спасибо"
За чьи-то милосердные слова,
За то, что можно прозябать как-либо,
Что есть жильё, одет, обут и сыт,
Что многие на помощь мне готовы...
Но если общей болью дух горит,
То это - привилегия здоровых.
Мне в творчестве предписан оптимизм,
А ныть не смей, - таков наш "гуманизм".

8 ноября 1989

Общая боль - понятно: общечеловеческая. Инвалид при мнимом нашем социализме и на свою-то инвалидную боль не имел права, - его же "осчастливили" по самое никуда, - а уж общечеловеческая боль должна быть для него чем-то вроде спектакля в театре. Не его ума дело - общечеловеческие Проблемы. Не ему их решать. Его дело - вечно благодарить Партию и Государство за заботу...

Рвутся ниточки... Рвутся... Рвутся...
Потихонечку - с жизнью... С жизнью...
И странички-то - кровью - льются.
И взывают-то - к гуманизму.
Зрячеслышащих - понимаю.
Столько мрака - в Стране Советов!
Все и всех-то - разоблачают.
Хоть бы капельку - где-то - света.
Со слепыми, глухонемыми
Человечными бы - казаться...
Нет, и здесь беспросветность... Мимо!
Свету - в душах бы - промерцаться.

18 ноября 1989

Человечность была притворной. Инвалидов разогнали по "резервациям" и хвастались на весь мир, что все их проблемы решены. А тут - обвал гласности! Было всё хорошо - стало вдруг всё плохо. Может, за инвалидов спрятаться? Может, хоть здесь-то было хорошо?, Но и тут пока-зуха ещё похлеще, чем где в других местах. Знаете, чем всепобеждающе пахнет в больницах, в психоневрологических интернатах, в спецшколах для детей-инвалидов, в детских домах и т.п.?.. Мочой. А нередко - и свеженькими духовитыми экскрементами. В общем, по Маяковскому, "простая человечья вонь".

Станным образом в загнивающей Америке нигде в учреждениях для инвалидов я этого запаха не почувствовал. Даже в местах, где ему сам бог велел присутствовать. Чистота - фанатическая, повсеместная, какая-то вылизанность всего, к чему ни прикоснёшься. Тоже показатель. Человечности. И уважения человеческого достоинства. Что, впрочем, одно и то же...

Безбоязненно души - настезь.
Быть в компании - правда! - счастье.
Но - захочешь неволей морга:
Быть с компанией рядом - горько.
Не внутри, а снаружи - маяться.
Внутрь ломиться. Вконец - отчаяться.
И, ни лешего - не добившись,
Отрепённо сидеть, смирившись.
...Нет, не так уже нынче худо.
Я не рядом - внутри покуда.
Всё моё существо согласно,
Что в компании быть - прекрасно.
Но - заранее в страхе ёжится:
Вдруг судьба по-иному сложится?

Так пьянчуга страшится каждый
Без гроша протрезветь однажды.

30 декабря 1989

А судьба всегда может сложиться по-иному. В любую секунду. Был включён в общий разговор - и вдруг не включён. Переводили - отвлеклись, или запутались в поднявшемся общем гвалте. Эфемерно, ненадёжно счастье включённости, счастье общения. Каждому и каждую

секунду может оказаться не до тебя. И могут начаться попытки как-нибудь "деликатно" от тебя отделаться...

Всю ночь в тоске глубокой бдят
У гроба. Разговор негромкий.
Слова обычные звучат,
Но голос - сдавленный и ломкий.
А больше тяжело молчат,
Забыть не в силах на мгновенье
Про этот гроб, и погребенье,
И смерти безучастный взгляд.
Слепоглухой - мертвец как будто:
Своим присутствием гнетёт,
И от своей персоны круто
Отвлечься людям не даёт.
И, тайно от себя, ухода
Слепоглухого - люди ждут:
К занятиям всяческого рода,
А то и просто в спальню, шлюют.
Фальшивой лаской не обманут,
Меж них по-хамски он торчит...
Так маленький назло не спит,
Пока просить не перестанут.

18 - 19 января 1990

Никогда бы душу я не запер,
Если бы, глухой, нормально видел,
Или же, слепой, нормально слышал, -
Так и жил бы всем всегда открытый.
Никогда бы душу я не запер,
Если наблюдать бы мог в сторонке
За возней любимцев малолетних, -
И включаться вроде бы случайно.
Никогда бы душу я не запер,
Если б не был нужен переводчик;
Сказанное мной бы не летело
Мимо всех ушей - случайных даже.
Ломит жизнь. транжирит силы страшно.
Всё - впустую. удручён растратой...
Коль взывать обрыдло к людям зряшно -
Будь пружиной, до предела сжатой.
Пережатая извне пружина
Развернётся внутрь со всею силой.
Не с людьми, так должен быть я занят

Сам с собой невидимой работой.
Как живёте - мне неинтересно.
Потому что вряд ли дозовёшься,
Ни к ушам, ни к душам не прорвёшься...
Скорбную свою допеть бы песню.

17 марта 1990

Снова начинаю уходить в себя, отчаявшись дозваться до людей, включиться в их жизнь. Уходить сознательно туда, откуда вышел к людям много лет назад; туда, где прочно обосновался в детстве и юности благодаря маме, собственным одиноким фантазиям, книгам,

Александр Иванovich Мещерякову и Эвальду Васильевичу Ильенкову. В творчество. В уединённый труд души.

Что поделаешь... Если не удаётся общаться с окружающими, остаётся общаться с самим собой. А содержание этого общения окружающим и неинтересно, и не всегда понятно. Вот душу и приходится запирает. Не из боязни быть оплётанным и осмеянным, - такого не посмеют, меня же любят, - а просто из застенчивости. Из непонятости.

Человечность была притворной. Инвалидов разогнали по "резервациям" и хвастались на весь мир, что все их проблемы решены. А тут - обвал гласности! Было всё хорошо - стало вдруг всё плохо. Может, за инвалидов спрятаться? Может, хоть здесь-то было хорошо?.. Но и тут показуха ещё похлеще, чем где в других местах. Знаете, чем всепобеждающе пахнет в больницах, в психоневрологических интернатах, в спецшколах для детей-инвалидов, в детских домах и т.п.?.. Мочой. А нередко - и свеженькими духовитыми экскрементами. В общем, по Маяковскому, "простая человечья вонь".

Странным образом в загнивающей Америке нигде в учреждениях для инвалидов я этого запаха не почувствовал. Даже в местах, где ему сам бог велел присутствовать. Чистота - фанатическая, повсеместная, какая-то вылизанность всего, к чему ни прикоснёшься. Тоже показатель. Человечности. И уважения человеческого достоинства. Что, впрочем, одно и то же...

Вместе - несмотря на слепоту.
Вместе - несмотря на глухоту.
Вместе - несмотря на немоту.
А богатство песенное - врозь.
И богатство зрелищное - врозь.
Всё духовное богатство - врозь.
И убожество на ощупь - врозь.
Непонятность, невключённость - врозь.
И непонятность до гроба - врозь.
В этом мире я всего лишь гость -
На краю застолья, где пришлось.
Так возможно ли оно всерьёз, -
Вместе, несмотря на слепоту?..
Вместе, несмотря на глухоту?..
Вместе, несмотря на немоту?..

22 августа 1990

Рвался к людям, хотел быть вместе, - и вот такое сомнение.

Ну хорошо, допустим, невозможно - вместе. А врозь? при условии, что и те и другие - полноценные личности.

Значит, ещё и отсюда можно прийти к идее инвалидной "малой культуры". Мол, пусть у них большой мир, а у нас маленький. Пусть у них большая культура, а у нас своя, маленькая. Они как большой народ, а мы среди них как маленький народ, этакое национально-инвалидное (а может, вернее сказать - инвалидно-национальное?) меньшинство...

Получается инвалидный детский сад. У детей обычно так: пока я маленький, у меня свой, маленький, игровой (даже игрушечный) мир; когда вырасту, - перейду во взрослый, большой. Лет в двенадцать - тринадцать я уже знал "взрослое" слово - "миниатюрный". И в моей "большой сказке" - одинокой (в одиночку) игре-фантазировании, которой я увлекался до студенческого периода своей жизни, да и сейчас иногда тянет пофантазировать на сон грядущий, - в этой "большой сказке" у меня был детский вариант, в котором добрых ребят я называл "миниатюристами", а злых - "детфашистами". В школах побеждали то одни, то другие, велись настоящие войны с таким же оружием, как у взрослых, но без убийств, происходили перевороты, восстания и революции, в результате которых у власти в школах оказывались то "миниатюристы", то "детфашисты".

Так вот, идея "малой инвалидной культуры" оборачивается "инвалидным миниатюризмом" - у инвалидов, как и у детей, свой, маленький, миниатюрный мир. Бывает и "инвалидный фашизм", или, как выразился один мой зрячеслышащий знакомый, "инвалидный шовинизм". Суть его в идее противостояния, непримиримой в принципе, антагонистической противоположности инвалидов и здоровых. Здоровые все подряд воспринимаются как "враги". А поскольку нет правил без исключений, то в мире здоровых выделяются исключительные личности, - редко встречающиеся, добрые, бескорыстные "друзья инвалидов", которые "переходят на сторону инвалидов", встают на защиту их интересов, борются за спасение их от козней окружающих "здоровых врагов". Точь-в-точь, как некоторые - очень немногие - "буржуазные интеллигенты" "переходят на сторону пролетариата". Прошу прощения за аналогию, да уж очень напрашивается... В общем, какое-то "классовое самосознание" инвалидов, - ни дать ни взять!

Может быть, я ошибаюсь, однако, насколько знаю историю, любая национальная культура возникает вполне самостоятельно. Мировая культура, культура всего человечества, как нечто целостное, - исторически несравнимо более позднее образование, чем культуры национальные.

Здесь же, у инвалидов, всё наоборот. В принципе (не в деталях!) так же, как у детей, которые, сколько бы подчас ни противопоставляли себя взрослым, всё имеют и могут иметь, в качестве исходного культурного материала, только из рук взрослых.

Без здоровых родителей, педагогов и друзей - носителей большой культуры, - ни один инвалид просто невозможен как личность. У истоков самог'о инвалидного общественного движения во всех странах стоят, насколько знаю, именно здоровые, а не инвалиды. Изначально, на первых порах, не для инвалидов, а для здоровых нестерпима мысль об ограниченности возможностей инвалидов в том или ином отношении. Если

кто-то из нас начинает рваться к здоровым, - вроде меня грешного, - так только потому, что здоровые постоянно рвутся к нам на помощь, озабочены нашей полноценностью в своём большом мире, - в мире просто людей, а потом уже русских и англичан, паралитиков и слепоглухих. К сам'ой идее "малой инвалидной культуры" здоровые пришли вместе с нами, если не раньше нас, отчаявшись помочь нам стать носителями большой, общей культуры.

Короче, - повторяю, - всё, что есть у нас - мы получили из рук здоровых. О да, мы тоже старались, прилагали усилия, учились, трудились, самообразовывались. Но ведь вся наша активность вторичная. Надо же руку хотя бы поднять, чтобы взять предложенное! Надо же хотя бы своими зубами пожевать, чтобы проглотить в рот положенное! А уж переварить и усвоить пищу, само собой понятно, за нас, за наш желудок и весь наш организм, никто не сможет. Даже если бы захотел избавить нас и от этих трудов.

Чем горды? Если собой, то прежде всего тем, что усилия наших здоровых друзей не пропали даром по нашей вине; что мы с невозможной полнотой воспользовались и продолжаем пользоваться помощью здоровых, - возможностями, которые здоровые создали для нас на первых порах сами, и только много позже, через поколения - при участии самых выдающихся из нас.

Да, великий слепой француз Луи Брайль создал международную письменность для слепых. Но, во-первых, идея использования комбинаций точек для создания алфавита пришла в голову другому французу, зрячему Шарлю Барбье, который предложил изобретённое им "письмо в темноте" сначала французской военной разведке, и лишь потом, потерпев неудачу в этом почтенном ведомстве, пришёл со своим алфавитом в Парижский Национальный Институт Слепых, где как раз заканчивал обучение Луи Брайль. Брайль гениально упростил и универсализировал "шифр" Барбье, изобрёл шеститочие как универсальную основу своей системы - и для письменности, и для математических, и для нотных обозначений. То, что сделал Брайль, вряд ли бы смог сделать зрячий, - но без зрячих, без того же Барбье, а в первую очередь без пионера образования слепых во Франции (и в России!) Валентина Гаюи, Брайль бы ничего не смог, - ему негде было бы учиться.

Во-вторых, несмотря на некоторый период недоверия и непонимания, энтузиастами и распространителями системы Брайля, создателями брайлевского книгопечатания и

брайлевских библиотек, в том числе оснащённых специальным компьютерным и всяческим иным оборудованием, - стали именно зрячие, здоровые люди.

Каждый народ по отдельности просуществовал бы, пожалуй, не будь всех остальных народов. Но инвалиды без постоянной поддержки здоровых существовать не могут.

Смирите гордыню! Не грозите мне костылями! Бред это сивой кобылы - "малая культура инвалидов как особой народности". И если я сейчас могу философствовать; писать, смею надеяться, достаточно самостоятельные стихи; любить детей, книги и, насколько позволяет остаточный слух, музыку, - то спасибо сначала маме, всем моим здоровым друзьям, а затем уже мне - за то, что не остался безучастным, что много играл-фантазировал, много читал, много писал, много (всю жизнь!)

учился, да так учился, что стал способен и здоровых поучить тому, как им дальше с нами быть. С такими, как я.

Быть в одной куче, в одной компании со здоровыми инвалиду не всегда легко, не всегда возможно, не всегда и нужно. Но просуществовать без здоровых даже в "резервации", то есть в специальном учреждении, где всё для инвалида приспособлено, - инвалид не сможет. Инвалидные "резервации" тоже ведь здоровыми создавались - из самых, кстати, человеколюбивых побуждений. И здоровыми же содержатся, обслуживаются. Тем более невозможно стать полноценным "родовым существом", полномочным представителем рода человеческого, как (вслед за Марксом) определял Эвальд Васильевич Ильенков человеческую индивидуальность, - личность. Носителем и представителем "большой" - общечеловеческой - культуры, повторяю, инвалид без здоровых никогда не сможет стать. Тем более таким носителем и представителем, чтобы и здоровые пошли к нему учиться.

А здоровые при этом, учась у тебя, не вспомнят, не подумают даже, что именно им - здоровым, - всем вместе, человечеству, народу, а некоторым в отдельности и в особенности, - ты обязан своим существованием и взлётом. Но сам ты забывать об этом не имеешь права. Не смеешь!

Впрочем, уж тут-то мы равны: любой здоровый человек обязан человечеству и зависит от человечества не меньше, чем любой инвалид.

Но всё-таки хотелось бы быть вместе не только в родовом - общечеловеческом - смысле, но и в смысле непосредственного общения в одной общей куче, в одной компании... Возможно ли это? без определённой взаимной настроенности - нет. И прежде всего - без определённой настроенности здоровых, потому что от них больше зависит чисто физическая, чисто техническая сторона включённости инвалида, особенно глухого и тем более слепоглухого, - в общий разговор, в общую работу.

Короче, если я гость в этом мире, то всё зависит от отношения ко мне хозяев - зрячеслышащих, вообще здоровых людей. От хозяев зависит всё, но и от меня, от гостя - многое. Во всяком случае, с того момента, когда гостеприимным хозяевам удалось хоть в какой-то мере включить меня в своё застолье. С этого момента и место моё за столом во многом зависит от меня же, и тем в большей степени, чем больше я из гостя потихоньку-полегоньку превращаюсь в одного из хозяев.

А, собственно, к этому и сводится интеграция инвалидов среди здоровых, то есть включение инвалидов в общечеловеческую жизнь, - к постепенному, конечно в меру их возможностей, превращению инвалидов из гостей в этом мире - в одних из хозяев.

Хочется общаться с великанами,
Только им - живым - не до меня.
Не до них - и мне. К ним разве - с крайними
Бедами. А просто так - нельзя...
Если б можно - без сопровождения
Добрести, сесть в угол потемней,
И внимать речам живого гения
При посредстве собственных ушей.

Но - могу внимать, по строчкам пальцами
В спешке увлечения шурша,
Восхищён красивыми абстракциями,

Слыша, как растёт моя душа...

29 ноября 1990

Имеются в виду великаны духа, великаны культуры, её крупнейшие носители, творцы и представители, особенно авторы увлекательных, иногда доступных мне книг (по Брайлю ведь печатается не всё, что хотелось бы мне прочитать). Вот с кем, пожалуй, не возникло бы проблемы, о чём общаться, что обсудить...

Живым "великанам" не то что не до меня, а трудно встречаться с ними для свободного содержательного общения, - зачастую ведь нужен мне и переводчик, и сопровождающий.

Слышащим проще: они могут созваниваться по телефону, встречаться на всякого рода семинарах, симпозиумах, конференциях, лекциях, докладах, пересекаться в библиотеках и так далее, а там запросто посещать друг друга и дома.

Мне нужен переводчик, но даже если он есть, я быстро устаю, выпадаю из общего разговора. Мне бы лучше индивидуальный контакт, но для этого я должен быть интересен не как слепоглохой, а как личность, которой есть что сказать в тех или иных областях творчества. Свою содержательность, свою способность к творческому контакту мне постоянно надо проявлять и подтверждать. Общение со мной, наверное, требует значительно большей траты сил, и физических, и душевных, чем обычное.

Ну и главное - живые "великаны" заняты творчеством. Как и я.

В общем, факт, что у меня дефицит такого общения, а причин дефицита может быть указано (а то и придумано) много, - среди них, возможно, и обидчиво названная в стихотворении: живым "великанам" - не до меня".

А мертвым - до меня? Мне - до них: в той мере, в какой удаётся до их книг добраться.

В своё время Эвальд Васильевич не жалел на меня времени, на всю жизнь меня зарядил, - и своим мировоззрением, то есть для творчества и вообще для личностной полноценности самым главным, я обязан именно этому великану духа и человечности. После Эвальда Васильевича самым щедрым в этом смысле был Борис Михайлович Бим-Бад, с которым мы и встретились-то впервые на квартире у Эвальда Васильевича. Оба они руководили моим чтением, насколько им вообще можно было руководить при отсутствии по Брайлю многих произведений и при том ещё, что вообще в чтении чаще бываю на поводу своей увлечённости, читаю то, что хочется, а не то, что нужно. Чисто школярский грех, обличающий недостаток духовной дисциплины. И одновременно - добродетель, свидетельствующая об избытке творческих импульсов... Так или иначе, моё самостоятельное общение с классиками через доступные мне их книги много бы потеряло, если бы на первых порах в этом общении не участвовали такие люди, как Эвальд Васильевич и Борис Михайлович. Они помогли мне свести с некоторыми когда-то жившими великанами духа довольно-таки короткое знакомство.

По мере погружения в практическую работу с детьми могло

показаться, что я теряю всякий вкус и интерес к теоретизированию. Моё общение с живыми великанами духа постепенно почти сошло на нет. Я скучал по этому общению, что и вызвало к жизни приведённые стихи.

Но теперь понимаю, что именно в тот период я особенно интенсивно сам превращался в великана духа. Именно тогда было наработано всё главное для обеих моих диссертаций - кандидатской и докторской. Я ведь не просто рвался к детям, жаждал с ними дружить и рад был, как рад и сейчас, любому поводу для контакта с ними. Одновременно я мучительно осмысливал причины своих неудач в любви к детям и внезапных прорывов к ним, когда вдруг рушилось всё, что нас разделяло до сих пор. То есть дети заставили меня именно теоретизировать особенно напряжённо, как никогда раньше. Именно в тот период писалась книга "Проблемы конкретной человечности", высоко оценённая даже в первоначальной рукописи академиком Алексеем Александровичем Бодалёвым и доктором психологических наук Виленом Эммануиловичем Чудновским. Теоретический и одновременно практический центр этой книги составила монография "Ростки совместной педагогики", частично изданная в университете Б.М. Бим-Бада в 1995 году под названием "Школа взаимной человечности".

И когда дело дошло до непосредственной подготовки к защите диссертаций, материал для которых - для обеих сразу - был готов, - моё общение с живыми великанами духа резко активизировалось. Тогда появились в моей жизни, кроме А.А. Бодалёва и В.Э. Чудновского, и доктор философских наук Виктор Тимофеевич Ганжин, и доктор психологических наук Юлия Борисовна Некрасова, и её ученица, кандидат философских наук, Наталья Львовна Карпова.

Благодаря энтузиазму и самоотверженности друзей из строительно-педагогического объединения "Радуга", прежде всего благодаря Ирине Владимировне Саломатиной, удалось хоть немного почитать и таких великанов духа, как Владимир Иванович Вернадский, Эрих Фромм, Виктор Франкл и другие. Отчасти восстановились и утраченные были связи с теми великанами духа, с кем я встречался раньше, особенно с Борисом Михайловичем Бим-Бадом, в чей университет я в конце концов перешёл на основную работу.

Решение об этом переходе принять мне было мучительно трудно прежде всего потому, что в родном институте для меня, для обеих моих защит, сделали всё возможное и невозможное; я всё-таки, хоть и очень не сразу, обрёл там настоящий творческий коллектив, о чём уже упоминал выше. И переход в другую организацию, пусть и с сохранением совместительства в прежней, мною самим воспринимался как проявление чёрной неблагодарности ко всем, кто последние годы столько со мной нянчился. Но именно сразу после докторской моей защиты, летом 1996, во всей академии рухнуло финансирование, сотрудников - в нашем институте впервые - отправили в неоплаченные отпуска. А я - единственный кормилец семьи из четырёх человек. Проколебавшись три месяца (в течение которых зарплату почти не платили), я всё же принял приглашение Бориса Михайловича, - приглашение во всех смыслах заманчивое, открывающее блестящие творческие перспективы, сулящее материальную стабильность. Но, сообщая о принятом решении на заседании группы А.А. Бодалёва, я подчеркнул: ниоткуда не уйду. Поле моей творческой деятельности расширяется, а в обретенном с таким трудом, первом в жизни настоящем творческом коллективе, как дружили и

работали, так и будем дружить и работать.

Перевод мой в Психологическом институте оформили со вздохом понимания. В отделе кадров даже сказали: "Правильно. Нас того гляди закроют..." Ну, будем надеяться на лучшее, - до этого дойти не должно.

Я заявил в вышеприведённых стихах, что мне тоже не до великанов. Но это из гордости процентов на девяносто: им не до меня - ну и мне не до них. Не хочется, просто унижительно приставать, докучать. А на десять процентов - потому, что я, как и они, постоянно в процессе творчества. Будь физическая возможность, время для общения - содержательного, полезного творчеству - я бы нашёл. Вариться в собственном соку всем ведь плохо - даже в квартире, превращённой в библиотеку.

(Прошу учесть, что брайлевский шрифт довольно крупный, так что размеры каждой брайлевской книги, при одинаковом объёме текста, превышают зрячую примерно в сорок раз; например, "Война и Мир" Л.Н. Толстого по Брайлю составляет комплект из двадцати шести брайлевских книг, "Очарованная Душа" Р. Роллана - из тридцати с чем-то, "Тихий Дон" М.А. Шолохова - из двадцати семи, все четыре тома "капитала" К. Маркса - из девяноста восьми, так что списывание книг Маркса, Энгельса и Ленина из брайлевских библиотек - настоящий вандализм, ведь люди должны иметь возможность самостоятельного выбора духовной пищи; каждая брайлевская книга величиной с самый объёмистый зрячий фолиант; таким образом, библиотека в моей двухкомнатной квартире, забитой книгами, тем не менее очень маленькая, постоянно приходилось чем-то жертвовать, чтобы поставить на полку нечто новое (пока была возможность это новое приобретать), поэтому без услуг общественных библиотек для слепых мне никак не обойтись.)

Общение с наиболее культурными людьми через их книги, конечно, спасает, способствуя росту моей собственной души. А в общем, это стихотворение - ностальгия по ильенковским и бим-бадовским застольям, на которые я попадал когда-то часто...

Почему беспомощен?

Потому что слеп?

Почему беспомощен?

Потому что глух?

С детства брошен заживо

прямо-таки в склеп.

Чахнет, задыхается

деятельный дух.

До конца не верится

больше никому.

И когда, соблазняя меня очередными организаторскими упряжками, обещая всяческую поддержку, некто ссылаясь на тех, кто успел меня в своей поддержке разочаровать, - мы, дескать, не они, - я не решался высказать, но не мог не подумать: "Да кто вас разберёт? Впрягайтесь, везите сами, а я посмотрю, стоит ли подпрягаться".

Сейчас (особенно с осени 1994 года) меня окружают в основном люди, которые сами везут, и поэтому к ним стоит подпрягаться. И при обсуждении конкурсной программы исследований группы А.А. Бодалёва нашлись у меня "идеи", встретившие даже более горячую заинтересованность, чем та, на какую я решался надеяться в самых смелых своих мечтах. Я предложил группе взять на вооружение всё, чем я богат, всё моё творчество во всех его направлениях - и научное, и литературное, и психолого-педагогическое, - и моя готовность работать для группы была правильно понята и принята. А я лишний раз порадовался и удивился: за что мне такое счастье? Видать, правы религии, на разные лады утверждающие, что за страдания в конце концов да воздастся. И совсем не обязательно, оказывается, - на том свете...

Да нет, не обольщайся: долго
Не смогут нянчиться с тобой.
Пока нет лучшего - и только.
А там - веди неравный бой.
В любой момент случиться может,
Что не с кем ехать никуда,
И дома посидеть предложат,
И всё - каприз и ерунда, -
И блажью назовут нелепой,
Что хочешь полноценно жить...
А если рвёшься вон из склепа,
Так маму нечего щадить.
Один выкручиваться пробуй,
К случайным встречным приставай,
Подталкивая маму к гробу, -
Иль вместе с мамой прозябай.
Своя ли жизнь тебе дороже,
Иль мамина, - в виду имей:
Никто не хочет и не может
Вам жизнью жертвовать своей.

1 июля 1995

В группе А.А. Бодалёва ко мне прикрепляли двух лаборантов. Вдруг - чего не было до сих пор со студенческих лет, - я оказался обеспечен и сопровождением, особенно ежедневными поездками в компьютерный центр, и дактильным переводом на заседаниях группы и в других местах.

Очень нянчился со мной удивительной доброты человек - Владимир

Викторович Богуславский, инженер-технолог по образованию, как раз и обучивший меня работе на компьютере с брайлевской приставкой. Полтора года главным образом на нём держалась моя свобода в передвижении, и он помогал решать далеко не только рабочие, но и другие мои проблемы, - бытовые особенно. Не было бы счастья, да несчастье помогло: этого человека подарил мне наш нынешний российский кризис, то, что специалисты высокого класса оказываются не у дел (завод, в конструкторском бюро которого числится Владимир Викторович, не имеет возможности ни обеспечивать работой своих сотрудников, ни платить им зарплату, и те вынуждены прирабатывать кто где и чем может, не спеша, впрочем, увольняться).

Я просто не имею морального права приковать к себе такого специалиста, и рано или поздно он должен был уйти на более перспективную, достойную его квалификации работу. Я не собирался его удерживать, но понимал, что самому мне станет очень трудно, - другого такого, при повальной эпидемии необязательности, найти вряд ли удастся. И вот я заранее трепетал при одной мысли об этом.

Трепетал тем более, что до сих пор, как правило, мои официальные помощники бывали поглощены своими делами, своими проблемами, без конца отговаривались от работы всевозможными "обстоятельствами", искренне по-детски не учитывая или не желая учитывать, что обстоятельства бывают и у других людей, в том числе иногда трагические. Старая история: "остаточный принцип" с более чем вероятной перспективой, что в конце концов не будет "оставаться" ничего, - уж пойми и не сетуй, пожалей, пожертвуй своими интересами ради моих прекрасных глаз... Стихотворение и вызвано к жизни очень тягостным разговором с одной из носительниц этого "остаточного принципа".

А я и так со студенческих лет комплексовал из-за того, что, будучи тяжёлым инвалидом, завишу в самом главном - в творческой и вообще личностной полноценности - от здоровых людей, невольно ограничивая возможности их собственной творческой самореализации (если, конечно, есть что реализовать). Мне противно, стесняюсь просить, как о величайшем одолжении, о каждой поездке, о переводе на каждом заседании, на каждой встрече. Поэтому предпочёл бы чёткие деловые, взаимно ответственные отношения, - или уж никаких официальных, только чисто личные, ни к чему никого не обязывающие. берёшься - так делай, не можешь - так не берись. По известному народному принципу: не давши слова - крепись, а давши - держись.

Я не посягаю ни на чьи обстоятельства, но, не имея возможности решать свои проблемы самостоятельно, предпочитаю как можно меньше зависеть от всевозможных случайностей (к тому же далеко не всегда психологически случайных, то есть на деле прикрывающих, маскирующих определённое ко мне отношение - равнодушное, а то и откровенно паразитическое). Поэтому, если "обстоятельства" уж так сложились, лучше расстаться по-хорошему, по возможности друзьями, чем мучить друг друга: мне - торговаться из-за каждого "благоденствия", а "рабу обстоятельств" - без конца передо мной оправдываться, объяснять, как ему ужасно стыдно, но что, дескать, поделаешь... В конце концов - по мере иссякания долготерпения и доброжелательности, по мере накопления и обострения нерешённых проблем, - рано или поздно приходится

осознать, что "стыд" - чисто словесный; за ним нет или почти нет никакого даже чувства неловкости, не то что настоящего стыда.

Такой вот сложился у меня стандарт отношений с официальными помощниками - лаборантами, принимавшимися в институт на работу специально для помощи мне. Этот стандарт в феврале 1994 года вынудил меня поставить вопрос о переводе лаборантов на контрактную систему, чтобы их хоть раз в год, вновь оказавшись на "остаточном принципе" у них, можно было менять. Да и то летом того же года, - когда мама только что перенесла инсульт и уже не могла ездить ни по каким моим делам, да и к врачу сводить её было серьёзной проблемой, - тогдашняя лаборантка "перешла на нелегальное положение", и не знаю, как бы мы с мамой выкручивались, если бы не поддержка друзей из Строительно-педагогического объединения "Радуга" (прежде всего Ирины Владимировны Саломатиной и студентки-медика Тани Шерстюк), из Детского ордена милосердия (Галины Владимировны Никаноровой) и из моей первичной организации Всероссийского общества слепых (Анны Георгиевны Капровой и Ларисы Анатольевны Майдановой). Они нас здорово выручили, помогли пережить первые, самые трудные, полгода после маминого инсульта.

Осенью того же 1994 года в нашей с мамой жизни появился и чудесный Владимир Викторович Богуславский, но в моей душе уже прочно угнездился постоянный, может быть даже патологический, страх, что хорошее - по крайней мере в сфере официальных отношений - исключение из правила, а плохое - сам'о правило. Страх будущего. Испытав и высоко оценив непривычную заинтересованность в проблемах инвалидов вообще, а не только в моих личных, доброту и заботу Владимира Викторовича, я стал бояться его ухода, - платили-то ему, как и вообще лаборантам, чисто символически. Конечно, я надеялся, что в любом случае мы останемся друзьями. Но что я буду делать, если Владимира Викторовича сменит очередной приверженец столь удобного для равнодушного человека "остаточного принципа"? Тем более, что без компьютера с брайлевской приставкой я уже не мог обойтись, - в сфере научно-теоретического и литературного творчества эта машина полностью сняла кошмарные ограничения, связанные со слепоглухотой. Вернуться к этим ограничениям было бы нестерпимо: всё равно что, чудесным образом прозрев, опять ослепнуть.

У меня есть основания надеяться, что моё творчество нужно не только мне. Следовательно, результаты этого творчества должны быть как-то сохранены, чтобы когда-нибудь, хотя бы посмертно, могли быть востребованы теми, кому оно как-то пригодится в жизни. Я отношусь к своей работе ответственно, и поэтому всегда всё сколько-нибудь важное писал доступным мне способом - по Брайлю. Однако брайлевские тексты недоступны большинству людей. Я перепечатывал их на обычной зрячей машинке. Заинтересованный, как всякий пишущий человек, в как можно более быстрой и компетентной оценке моей работы, я машинописные копии раздавал, но чаще всего не получал ни оценки, ни копий обратно, так что в редакции нести мне оказывалось нечего. И только у Бориса Михайловича Бим-Бада хватило терпения в течение ряда лет слушать мои рукописи (я вслух читал их ему с брайлевского листа), по ходу дела сразу указывая мне на все стилистические погрешности, обсуждая со мной

построение текста, а главное - проблематику. Это была замечательная, незаменимая школа, за которую я Борису Михайловичу бесконечно благодарен.

Я не мог твёрдо надеяться ни на издание своих работ при жизни, ни на то, что кто-то станет посмертно копаться в моём брайлевском архиве. Мне известна история гибели архива замечательного слепого писателя Василия Яковлевича Ерошенко. В Китае и особенно в Японии он стал классиком национальной литературы, там издаются собрания его сочинений в нескольких томах. Вернувшись в двадцатые годы в СССР, Ерошенко стал одним из организаторов Всероссийского общества слепых, прекрасным тифлопедагогом, основателем и первым директором Ашхабадской школы для слепых детей. Он продолжал писать, но печатался главным образом как журналист в периодических изданиях для слепых. Заболев раком, он привёл в порядок свой литературный архив и передал его на хранение одному из предприятий общества слепых. Архивом надо было заниматься, готовить к печати, издавать, там были и художественные произведения, написанные в течение по крайней мере тридцати лет жизни на родине. Вместо этого всю ту "грудку старых бумаг" сожгли в котельной. Став классиком иностранных литератур, этот человек так и не смог стать классиком литературы отечественной. Он пал жертвой равнодушия.

В марте 1996 года я получил особо наглядное подтверждение, что и мой архив ждёт та же участь.

Владимир Викторович предупредил меня о своём уходе на другую работу с 1 апреля. Я решил заменить его братом, который как раз безнадежно потерял работу за несколько месяцев до того. Полноценной замены, конечно, быть не могло: у брата тяжелейший комплекс неполноценности, осложнённый тяжёлым неврозом (трясутся руки при малейшей сложности, не то что трудности). Дактильно брат поэтому говорит так, что даже по бытовым вопросам я его с трудом понимаю. Переводить мне поэтому он никогда не сможет, - разве что простейший перевод по телефону ему кое-как доступен... Но мне главным образом нужна свобода передвижения, а это брат мне мог обеспечить и обеспечивает самоотверженно. Остальное нужно не так часто, и об этом остальном всегда можно договориться с друзьями. Словом, в марте я поехал в смоленскую область, в Десногорск, где брат жил с сестрой, чтобы забрать его к себе в Москву.

Брата ко мне благополучно оформили сначала в институте, а в связи с моим переходом в Университет Российской академии образования оформили и там. Но, когда я забирал его из Десногорска, я узнал, что находившаяся там часть моего архива - книги любимых поэтов, а главное, юношеские рукописи и другие юношеские бумаги, - скормлены тараканам и выброшены на помойку. Для меня это было тяжёлым ударом, чем-то очень похожим на смерть близкого человека. Даже мама не поняла тяжесть нанесённого мне оскорбления: подумаешь, мол, ещё пришлешь книги, у тебя их много... Я сказал сестре, что никогда больше к ней не приеду,

- после уничтожения моего юношеского архива и части моих любимых книг мне у неё делать нечего. Нет у меня там больше дома. Через такое я переступить вряд ли смогу, хотя и понимаю, что брат и сестра не ведали, что творили. Я плакал и говорил им, что это они убили меня, вычеркнули из моей жизни целый важнейший период, но... бесполезно ведь

объяснять, они всё равно ничего не поняли, и сделанного не исправишь... Для них всё это было просто грудой ненужных бумаг, как и для тех чиновников из общества слепых - архив Ерошенко.

Значит, я должен изо всех сил стремиться к прижизненному изданию всего самого главного, что успею написать. Остальное, сколько-нибудь достойное читательского внимания, должно быть не по Брайлю, а в другом варианте, доступном зрячим людям. Компьютер с брайлевской строкой (тактильным дисплеем) даёт возможность накопить электронный архив, который очень легко размножить в довольно большом количестве копий, - как на дискетах, так и распечатав на принтере, - и распределить по друзьям.

Перепечатывая брайлевский текст по-зрячему на машинке, я не мог не вносить в него правку, фактически создавая новый вариант, в чём-то не лучший, а худший. Дальнейшая работа над текстом была для меня уже невозможна, - разве что снова перепечатать брайлевский вариант с новой правкой, создав третий вариант, по существу опять же черновой. При публикации я вынужден был целиком полагаться на редактора.

Устранить неизбежные опечатки я так же не мог, качество копий тоже не мог проверить без посторонней помощи. В любом случае получившийся зрячий вариант мне самому уже не был доступен. Компьютер с тактильным дисплеем избавляет меня от переписывания, позволяя всю редакторскую работу производить над однажды введённым текстом, некоторые неуместные для целей текущей работы куски копируя отдельно, чтобы использовать в других текстах. Я получил возможность работать с редактором, поскольку нам одинаково доступен один и тот же вариант, и какие-то предложения редактора принимать, какие-то нет, - до компьютера я о подобном не мог и мечтать. Отредактированный текст я так же могу ещё раз подвергнуть авторской проверке. Таким образом, я в принципе оказываюсь в одинаковых условиях со всеми остальными авторами, получая возможность более или менее полностью отвечать за опубликованный текст. Поэтому и говорю, что компьютер в области научно-теоретического и литературного творчества делает меня зрячеслышащим, снимая все связанные со слепоглухотой ограничения. Остаются "пустяки" - поездки по редакциям, активные рабочие контакты с ними по телефону (тут по-прежнему требуется сопровождение и дактильный перевод). Но с этим уже несравнимо легче смириться, чем с невозможностью полностью отвечать за свой текст в его отпечатанном по-зрячему и опубликованном виде.

Не говорю уже о том, что компьютер с тактильным дисплеем может служить великолепным средством общения. Ко мне в компьютерный центр приходили мои друзья, в том числе помогавшие мне в работе над докторской диссертацией. Они печатали на основной (зрячей) клавиатуре, я отвечал с брайлевской приставки на клавиатуре обычной брайлевской машинки, всё это одновременно выводилось и на видеодисплей, и ко мне под пальцы на строку брайлевской приставки. Содержание разговора полностью сохранялось либо в памяти компьютера, либо на дискете, и я мог как никогда раньше полно учитывать все пожелания при дальнейшей работе над обсуждавшимся текстом, вставляя в нужные места куски из наших бесед и затем редактируя их.

Я мог бы знакомиться с выходящими книгами и журналами с компьютерного набора, переписав их на дискету. Если же мне нужно переписать статью или книгу, которой нет в издании по Брайлю, то уже не нужно изучать систему Брайля и осваивать брайлевскую машинку. Можно ввести этот текст в компьютер, "сбросить" его на мою дискету, и я через брайлевскую приставку прочитаю его так же свободно, как если бы он был издан или переписан по системе Брайля. Имея компьютер дома, можно с помощью специального устройства - модема - включаться в компьютерную сеть, вызывая нужные тексты из компьютерного отделения крупнейших библиотек. Я наконец-то смог бы работать в библиотеке имени Ленина, в которой до сих пор мне нечего было делать. Но и без этого компьютер даёт такие возможности, которые в творческом отношении приравнивают меня к зрячеслышащим, и от таких возможностей отказаться только потому, что не с кем регулярно ездить в компьютерный центр, - совершенно немислимо.

Сказанным, думается, достаточно подготовлен вывод, который может показаться еретическим: инвалидам, особенно тяжёлым, специально приспособленные компьютеры нужнее, чем здоровым. Для них это не фантастические удобства, а фантастические возможности личностной, духовной полноценности, - не роскошь, а необходимость.

Но компьютеры вообще очень дороги, а специально приспособленные дорожке обычных в несколько раз. Инвалиды же относятся к самым малообеспеченным, если не сказать нищим, слоям населения. Они лишены возможности самостоятельно заработать себе на такого рода технику. Им трудно искать спонсоров. Поэтому для них эта техника должна приобретаться государством и разного рода благотворительными организациями. Иначе теряют всякий конкретный смысл все сентенции типа, что общество таково, как оно относится к своим инвалидам, что каждый имеет право на полноценное развитие своих способностей. Я читал анекдот, как юриста спросили: "Имею ли право..." - "имеете, имеете", - ответил юрист. "Вы меня не дослушали! Я хотел спросить, могу ли я..." - "Не можете, не можете", - перебил юрист. Вот так и мы: право имеем (записанное в разных документах, в том числе международных), но реализовать своего права не можем.

Я с ужасом думал: неужели мне опять придётся, не дождавшись сопровождающего, решать: либо ехать в компьютерный центр одному, с помощью случайных встречных, - либо отказаться от компьютера, а теперь это означает отказ от творчества вообще. Дома-то компьютера нет, и не предвидится, слишком дорог, - с приставкой для слепых это удовольствие стоит в районе двадцати тысяч долларов.

А мама у меня тяжело больна. После кровоизлияния в правое полушарие головного мозга частично парализована с левой стороны. До самого инсульта она сама напрашивалась ездить со мной по всем моим делам, не желая сидеть дома одна, - тем самым невольно развращая лаборантов, убеждая их в том, что они не так уж и нужны, без них можно обойтись. Она и сейчас "бьёт копытом", рвётся ездить со мной, но об этом не может быть и речи. Я и так ругаю себя, что шёл у неё на поводу и позволил ей участвовать в сумасшедшей предзащитной гонке (инсульт произошёл за три недели до защиты мною кандидатской диссертации). А о моих самостоятельных разъездах она и слышать не может спокойно.

Так что, действительно, выбирать приходилось между жизнью и

смертью: между своей творческой жизнью и маминой смертью, которую сам же не надеюсь пережить. И не только требовать, а ждать жертв с чьей бы то ни было стороны ради нас с мамой, - ради моей возможности творить за счёт такой же возможности для других, - я, разумеется, не вправе.

Обилие "случайных людей", то есть попросту равнодушных к чьим угодно "обстоятельствам", кроме своих собственных, среди моих бывших секретарей и лаборантов, - вынудило меня разработать целую систему организации помощи себе со стороны случайных встречных. Иными словами, обилие случайных в более-менее постоянном окружении вынудило меня искать поддержки со стороны случайного уличного окружения. Об этом уже достаточно подробно говорилось выше. Конечно, каждый имеет право на свою жизнь. Вот только мне это право без посторонней помощи не реализовать, и никто в этом не виноват. Однако поступаться этим правом, в моей-то ситуации, слишком долго приходилось именно мне.

Как бы так устроиться, чтобы никому ничем не надо было поступаться?.. В современную историческую эпоху это, наверное, неосуществимо. Да и в ближайшем обозримом историческом будущем - тоже... И вот, в разгар счастья, у меня родились строки, полные безнадёжности и страха перед будущим.

Вся моя жизнь убеждает меня, что страх такого рода не беспочвен. По разным причинам будущего приходится бояться едва ли не абсолютно всем. А не думать об этом, жить сегодняшним днём, как советует Дейл Карнеги, - не могу. Моя творческая жизнь давно спланирована, хотелось бы этот план реализовать, но это зависит прежде всего от ближайших помощников, от тех, кто меня возит и мне переводит, от их добросовестности, ответственности, дисциплины, - не то что трудовой, а просто человеческой, моральной хотя бы, если не нравственной.

Проблема общечеловеческая, конечно. А для меня она обострялась до выбора между творчеством и жизнью - маминой, следовательно своей. Между творческой жизнью и физическим существованием на "остаточном принципе". Если бы компьютер с тактильным дисплеем был дома. Я не так бы боялся этого будущего, но весьма возможного, по существу неизбежного, выбора. Я смотрел бы в будущее увереннее и спокойнее. Я смог бы работать дома,

потребность в разъездах резко уменьшилась бы, и можно было бы довольствоваться самым нерегулярным, халтурным, случайным сопровождением. Трагедии никакой не было бы.

рассказ о том, как эта проблема неожиданно решилась для меня лично, я должен выделить жирным курсивом. Произошло то, на что я не смел и надеяться...

В начале марта 1996 я заканчивал работу над последним вариантом своей докторской диссертации. В компьютерном центре я сидел с утра до вечера, кроме воскресений. Страшно уставал. И вот мама сообщила, что ей звонил какой-то журналист, который хочет со мной встретиться. Она дала ему телефон компьютерного центра, мы не сразу, но созвонились через Владимира Викторовича, и договорились о встрече, - естественно, в компьютерном центре.

Журналист этот - МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ КОЖУХОВ - раньше работал в "Комсомольской Правде", и с тех ещё времён знал о моём существовании. Теперь он стал ведущим телевизионной программы "Сделай Шаг", и так как считал, что всей своей жизнью я шаг сделал, то хотел пригласить меня в первую тройку героев этой программы.

С самого начала оценив и значение для меня компьютера с тактильным дисплеем, и то кровохарканье, которого мне стоили ежедневные поездки в компьютерный центр, Михаил Юрьевич решил найти спонсора, способного и согласного подарить мне эту машину домой. Задача оказалась очень не простой, и первое моё участие в телевизионной программе увенчать вручением мне компьютера не удалось. Но Михаил Юрьевич твёрдо решил довести это дело до конца. Поиски свои он держал от меня в секрете, хотел преподнести приятный сюрприз, и как бы мимоходом в июле попросил только сказать, о каком именно аппарате у себя дома я мечтал бы. Я сказал, что есть преимущества у обоих новейших аппаратов немецкой фирмы "Баум Продуктс", о которых мне известно, - как у специального портативного компьютера "Давид" с клавиатурой брайлевской машинки и тактильным дисплеем, так и у приставки к обычному компьютеру, тоже имеющей тактильный дисплей, но клавиатуру обычную компьютерную. Мне и в голову не приходило, что фактически я напрашиваюсь на вручение мне обоих этих аппаратов, что спонсора Михаил Юрьевич уже нашёл, и дело шло только о том, где именно и что именно купить.

Михаил Юрьевич Кожухов оказался современным Диогеном, ищущим человека днём с фонарём, да ещё в таких сферах, где процент нормальных людей особенно низок, - в коммерческих. И поиски современного Диогена увенчались успехом. Обзвонив двадцать крупнейших фирм, нигде не встретив энтузиазма, Михаил Юрьевич добрался в своих поисках до корпорации "Эдванс", основанной и возглавляемой (в должности генерального директора) НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ НИКИТЕНКО. Как сказал Николай Николаевич 19 октября 1996 в останкинском телецентре, он предпочитает именоваться не бизнесменом, не коммерсантом, а промышленником. Потому что капитал он вкладывает в российское производство, и притом в весьма наукоёмкое, - финансирует строительство современной волжской флотилии. Он мечтает о хорошем завтра для России, прекрасно понимая, что это хорошее завтра вовсе не в отсутствии каких бы то ни было проблем, не в молочных реках с кисельными берегами, а просто-напросто в нашей российской дееспособности - экономической, политической и всякой иной, - в способности со своими проблемами справляться самостоятельно. Хотя, разумеется, не в одиночку, а в партнёрстве со всем остальным миром (но не в унижительной зависимости от него). А самостоятельно справляться ни с какими проблемами России не может, не развивая современного производства. Вот бывший военный связист Николай Николаевич Никитенко и перешёл на самый главный в наши кризисные времена - производственный, промышленный - фронт.

Он говорит, что сначала их было всего пятеро энтузиастов. Сейчас, через четыре года, создано три тысячи рабочих мест в разных городах России, в том числе полторы тысячи в Москве. Значит, подаренный мне компьютер - это три тысячи первое рабочее место. Обошлось это рабочее место в двадцать четыре тысячи дойчмарок.

19 октября 1996 года в моей жизни произошло событие гигантского значения: в студии останкинского телецентра мне вручили специальный компьютер для слепых класса "Ноутбук" ("Записная книжка") марки

"Давид" - в небольшом чемоданчике, которого телезрители почти не заметили, - а на колени положили приставку с тактильным дисплеем и обычной компьютерной клавиатурой марки "Инка", которую можно подключить к любому обычному компьютеру. То есть мне подарили не один компьютер, а в сущности полтора. На эти два аппарата с тактильными дисплеями я бы никогда не заработал, но купить системный блок - ящик со всей компьютерной начинкой, только без экрана, клавиатуры и прочих дочерних устройств, - я вполне могу. Тут речь идёт уже не о десятках тысяч, а о нескольких сотнях долларов. Такие деньги в университете Бориса Михайловича Бим-Бада я легко заработаю. "Инка" же, подключённая к системному блоку - это уже второй, стационарный, компьютер. С "Давидом" можно ездить, а на "Инке" работать дома. Словом, мне подарили всё самое главное - и самое дорогостоящее - для создания у меня дома личного компьютерного центра. Так что благодаря двум замечательным людям - Михаилу Юрьевичу Кожухову и Николаю николаевичу Никитенко - в оснащении моего творчества произошло нечто такое, что можно сравнить только с коренным, стратегическим перевооружением армии, до этого вооружённой огнестрельным оружием первых средневековых образцов.

Инвалиды всех стран, умирайте!
Добровольно. Житуха пуста.
Ни малейших надежд не питайте,
Будто сбудется ваша мечта.
Жить не стоит. Да вот же качели:
Чуть пригреют - и хочется жить...
У ближайшей, реальнейшей цели -
Только слезы в песок уронить.
О духовности - и не мечтайте.
Вы беспомощны. Дух - на замок.
Инвалиды всех стран, умирайте!
Подлой жизни - хоть в морду плевок.

14 августа 1995

Вот до чего доводили меня случайные, необязательные, ненадёжные люди. Готовые обещать всё, что угодно, лишь бы получить возможность паразитировать - неважно на чём и на ком.

Дата памятная. Стихотворение написано в результате взрыва отчаяния из-за того, что возникли сложности с поездками в компьютерный центр. Именно в день написания этого стихотворения отчаяние достигло своей кульминационной точки.

Комментируя предыдущее стихотворение, я был не до конца откровенен. Дело в том, что в июле - августе 1995 года предстояла поездка в лагерь Детского Ордена Милосердия, в Свердловскую область. Я ездил туда с мамой. Оставить её одну, в её болезненном состоянии, я не мог. Нас пригласили руководители Свердловского Областного Детского Ордена Милосердия - супруги Владимир Александрович и Нина Олеговна Поспеловы. И я, накануне отъезда в Екатеринбург, боялся, что по возвращении в Москву мои поездки в Республиканский Центр Компьютерных Технологий Всероссийского Общества Слепых будут проблематичны, - дай бог, если только первое время. Я не мог забыть опыт с "переходом на

нелегальное положение" моей лаборантки летом 1994 года. И боялся повторения чего-то подобного, а теперь это означало паралич моей работы, в том числе над докторской диссертацией, которая с самого начала писалась на компьютере.

Владимир Викторович в моё отсутствие был у старенькой бабушки в Сыктывкаре, вернуться в Москву сумел только через неделю после меня. Другая же лаборантка была недостижима. Раньше её подменяли её мать и брат. Но когда я обратился к ним, я услышал почти открытым текстом: надоело, твоя творческая самореализация - это твой каприз, не до тебя, сиди дома или крутись как знаешь.

Я был глубоко оскорблён и не на шутку запаниковал, так как выбрать между творчеством и мамой никак не мог. Появились опять суицидные настроения, то есть мечта о самоубийстве. Я не мог ни жертвовать творчеством ради мамы, ни жертвовать мамой ради творчества. И кто бы на моём месте смог предпочесть любой из этих вариантов... А мне ещё было любезно предложено смириться как с данностью с тем, что "решения нет". Решений-то целых два, но оба неприемлемы одинаково.

Спасибо, опять выручили Ирина Владимировна Саломатина и Таня шерстюк. А там появился Владимир Викторович, и всё наладилось... Пока. Но душевный срыв уже состоялся, потому что я накануне жил несколько месяцев с нарастающим страхом этого "стечения обстоятельств", и когда показалось, что худшие ожидания оправдываются, - я, что называется, сошёл с рельсов.

Такое невменяемое состояние могло быть вызвано, наверное, только беспомощностью, - психологической, если не физической, невозможностью решить свою проблему самостоятельно. Физически-то я решить её мог: попросить первого попавшегося доброго человека посадить меня в электричку, высадить, довести до метро, от метро до компьютерного центра, и точно так же домой. А психологически - не мог: мама! В итоге мы оба, мягко говоря, жутко перенервничали, сразу промотав весь запас душевной прочности, привезённый из лагеря. Тот запас душевной прочности, которого при более благоприятном стечении обстоятельств могло хватить, как минимум, на несколько месяцев.

Истерика? Конечно! И заранее согласен, что никакая истерика ни на волос не помогает решить проблему. Но ведь сколько-нибудь приемлемого, всех устраивающего компромиссного решения - не было. А дело шло о слишком важном, о самом важном - о смысле жизни. Я себя ни в коем случае не оправдываю. Просто объясняю, как могло возникнуть такое позорное, невменяемое состояние.

Булгаков в "Мастере и Маргарите" роняет очень точное наблюдение: самый страшный гнев - гнев бессилия. В ту кошмарную неделю я был во власти именно гнева - и отчаяния - бессилия.

Я не мог и представить себе полноценную работу без компьютера с тактильным дисплеем, но ничуть не легче мне было смириться с очень реальной перспективой осуществления этой рабочей полноценности - за счёт сокращения маминой жизни. Выбор между духовным самоубийством и физическим убийством мамы. Попробуй выбери! Что "предпочтительней"? Что "человечнее"?

Вот такие дилеммы ставит зависимость от сущей ерунды, - от того, есть или нет сопровождение к месту работы. Как тут не возникнуть

сарказму отчаяния, издевательскому обыгрышу известного лозунга - "Пролетарии Всех Стран, Соединяйтесь!", - переделанному в: "Инвалиды Всех Стран, Умирайте!" А к чему ещё призывать? Терпеть прозябание? Зачем?

Мой друг Ирина Поволоцкая - слабовидящая глухая, всюду ходит и ездит самостоятельно, но и её повергает в такое же отчаяние, до истерики, до суицидной мечты, проблема, кто переведёт ей ближайшую лекцию в её ВУЗе.

Нет, эти настроения не от расстроенной психики. Вам бы в нашу шкуру, - мы бы посмотрели, как бы вы на нашем месте верещали! Наша психика, пожалуй, крепче вашей, - ведь ухитряемся жить в таком АДУ! Разве это не проверка психики на прочность - как человек умудряется выдерживать поистине адские условия жизни, - особенно сколько-нибудь духовно

развитый человек, которому в духовном плане есть что терять, и следовательно, есть чем чувствовать эту потерю и эти условия?

Вот тут и обнаруживается с предельной ясностью, что не только эгоизм, но и альтруизм абсолютизировать не приходится. Вновь и вновь: Как бы ухитриться обойтись вообще без жертв в отношениях между людьми? Эгоист жертвует другими, даже не замечая этого; а замечает, так считает это нормой. Альтруист жертвует собой; этим можно умиляться, но это тоже жертва, и потому В КОНЕЧНОМ СЧЁТЕ - хрен редьки не слаще! А как иначе? Можно ли иначе?

Радикальные гуманисты, например Эрих Фромм, считают одной из главных причин человеческих бед зависимость, бессилие, беспомощность (прежде всего перед бюрократическим аппаратом, вообще перед государством). Отсюда естественный вывод - требование индивидуальной независимости каждого в решении своих проблем. Это - одно из основных условий реальной демократизации и гуманизации человеческой жизни.

Ну, а сущность физической инвалидности, особенно такой тяжкой, как слепоглухота или паралич - именно в повышенной беспомощности, зависимости, уязвимости при удовлетворении самых естественных человеческих потребностей, таких, о которых в обычных условиях, да и при менее тяжкой инвалидности, просто не задумываются. Поэтому подлинная социальная, а на её основе и личностная, реабилитация таких людей предполагает создание возможностей для самостоятельного решения прежде всего "микроскопических" проблем, - типа свободы передвижения, или свободы контакта с продавцом при покупке хлеба. Без этого все хлопоты о духовном развитии инвалидов "до самого высокого уровня", об их университетском образовании - суть сплошное лицемерие, либо суть хлопоты о том, чтобы тешить своё психолого-педагогическое тщеславие. Куда мне деваться с моими высокообразованными духовно-творческими и профессиональными "запросами", если я беспомощен в вопросе о глотке свежего воздуха, о покупке хлеба, о поездке к месту работы? Нет, я, конечно, всем существом ЗА высокий духовный уровень развития инвалидов и неинвалидов, - но при обязательном, особенно когда речь идёт об инвалидах, создании элементарных условий для удовлетворения не только духовных, а и физиологических потребностей. Иначе жизнь превращается ВАД, и чем выше твои потребности развиты, тем этот ад невыносимей, нестерпимей.

...Через год с небольшим после написания этого отчаянного стихотворения, 19 октября 1996, благодаря Николая Николаевича за подаренные им компьютерные аппараты, я сказал примерно следующее:

- Не успею как следует расхныкаться - и именно в самый, казалось бы, безнадежный и безысходный момент - проблема решается. И за всю мою жизнь это происходило не раз, притом за последние годы всё чаще и чаще. Поэтому считать удачное решение проблем случайностью, а не закономерностью, не приходится. "Случайностей" по крайней мере в моей жизни слишком много. Случайно ли, что у меня именно такая мама, а не другая? Случайно ли, что в моей судьбе участвовали Александр Иванович Мещеряков, Эвальд Васильевич Ильенков и многие другие замечательные люди? Случайно ли, что когда я чувствовал себя особенно изолированным от творчества и от детей, Уральские дети наградили меня званием первого взрослого рыцаря своего областного ордена милосердия, а через полтора года в результате всероссийского конкурса дети включили меня в число двенадцати самых добрых людей России? Случайно ли, что американцы дали мне степень почётного международного доктора гуманитарных наук, а дома, в России, я с кратчайшим интервалом - всего в два года - защитил кандидатскую и докторскую диссертации? Случайно ли, наконец, что когда я уже выдохся, начал заболеть от перенапряжения, связанного с поездками в компьютерный центр, - мне подарили компьютер домой? Нет, это не случайности. Это, очевидно, закономерно - то, что прорыв происходит в самый, казалось бы, критический момент, на краю пропасти. Закономерно, что тебя не пускают в пропасть, что подхватывают снова и снова, когда ты уже готов туда свалиться. Такое может показаться "случайным" только

обывателю, для которого закономерно всё плохое, а всё хорошее, доброе, светлое - случайно. Теперь, как никогда, мне стыдно за свои вспышки депрессии, за свои малодушные мечты о самоубийстве и даже призывы к массовому самоубийству инвалидов. Надо просто научиться достойно, без хныканья, без истерики, перетерпеть, пережить кризис, - а выход из самой критической ситуации всегда найдётся. Если, конечно, сам не перестанешь барахтаться, не сдашься, не смалодушничаете. Тем, кто сдался, не хочется помогать, потому что они перестали помогать себе сами.

Вы, Николай Николаевич, прорвали блокаду. Я и раньше решал свои проблемы никак не в одиночку, но вместе со своими друзьями был как бы в круговой обороне, а теперь, благодаря компьютеру дома, у меня появился прочный тыл и - фронт только с одной стороны, а не со всех сторон. Блокада прорвана. Вы ещё раз, с особой очевидностью, показали мне, что человечность - не случайна, а закономерна, и мне теперь всю оставшуюся жизнь ломать голову над теоретическим осмыслением и обоснованием этой закономерности. И если у меня с этим осмыслением и обоснованием что-нибудь получится, я с вами за ваш роскошный подарок расплачусь в самой твёрдой - творческой - валюте. В такой валюте, которая может обесцениться только с исчезновением человечества в целом.

Вот так примерно я благодарил Николая Николаевича в останкинском телецентре. Слова были другие, конечно, - где же их упомянуть? - но мысли - именно эти. Теперь, как никогда, у меня нет сомнений, что закон человечности - существует. Его надо открыть и поточнее

сформулировать. Этому посвящена моя докторская диссертация, но эта задача там не решена. Частичные решения ведь - не более, но и не менее, чем подступы к полному решению. А подступаться можно очень долго. Человечество подступает уже не одно тысячелетие. Но сейчас у нас так много времени уже нет. Мы если не на краю пропасти, то очень близко от края, и закон человечности сейчас - это закон выживания человечества вместе с окружающей его частью космоса. Это-то понятно сейчас многим, если не всем, и мысль эта есть и в моей докторской диссертации. А вот в чём же всё-таки этот закон, то есть как же всё-таки выжить?.. Ну что ж, продолжим исследование. Похоже, что в моей жизни, при всём несомненном трагизме всё-таки бесспорно счастливой, содержится если не полный искомый ответ, то существенная подсказка, облегчающая поиски ответа.

Моя поэзия здесь больше не нужна,
И сам я, может быть, уж больше здесь не нужен.
С.А. Есенин

Вот это мир! какого ж я рожна
Застрял в нём, неуместен и недужен?
Кому моя поэзия нужна?
Кому я, как исследователь, нужен?
Но собрались, быть может, неспроста
В слепоглухом все мировые скорби,
Чтобы окрестла в мире доброта,
И предстоящий путь не столь был горьким...

15 апреля 1993

Имеется в виду путь человечества. Я, конечно, от ложной скромности не помру, что не раз уже доказывал на предыдущих страницах.

Однако, не опасаясь умереть от скромности, я не берусь решить ни одной проблемы на протяжении своей книги, - даже на сегодняшний день, не то что на все времена. Я лишь пробую ставить проблемы, размышлять над ними. Стихи мне в этом помогают, как понемногу

подкладываемые дрова помогают костру. Я уверен, есть много людей, бьющихся над теми же проблемами, - которым, следовательно, мои размышления могли бы быть интересны, если не полезны.

Докторская моя диссертация была на тему "Человечность как фактор саморазвития личности". Алексей Александрович Бодалёв настаивал в своих замечаниях, чтобы я проследил, как работал фактор человечности в моей собственной жизни. Я понимал, как это важно и нужно, - без этого всё исследование, всё равно что дом без фундамента. Но легко сказать, - собственную жизнь подытожить... Чужую легче в тысячу раз. Я совсем запутался, сроки поджимали, другие разделы диссертации написались довольно легко, а этот - никак не давался.

Выручил, сам того не подозревая, Борис Михайлович Бим-Бад. После выхода в свет "Школы взаимной человечности" он меня затормозил-заторопил: срочно нужна рукопись новой, следующей книги! Когда представить? Надо было ещё вчера! А у меня на тот момент в более-менее готовом виде лежала первая часть "Достоинства". Её, конечно, надо было просмотреть и дополнить, прежде чем отдавать Борису Михайловичу... Ну я и засел за эту работу, но диссертацию не отложил.

Параллельно, в соседнем "окне" текстового редактора "Лексикон", я составлял список вставивших передо мной в течение жизни, так или иначе со слепоглухотой связанных, проблем. Редактируя художественно-публицистический текст, я прослеживал одновременно, какие именно проблемы и в какой последовательности ставила передо мной слепоглухота, в какие именно моменты развития. В итоге получилось то, что нужно, - "фактор человечности", как он появился и срабатывал именно в моей жизни, попался в расставленные исследовательские сети. Получился такой список проблем, который ошеломил сначала меня самого, а потом всех моих рецензентов и оппонентов. Вот этой проблемной выжимкой я и закончу первую часть "Достоинства", и следующие части тоже буду заканчивать проблемными выжимками. В чём-то они, наверное, пересекутся, может быть, даже совпадут. Но не во всём. И в конце книги их будет интересно сопоставить. Тогда получится действительно исследование проблемы человеческого достоинства, а не просто лирико-рассуждательская исповедь.

1. Проблема слепоглухоты как мешающего фактора - прежде всего, мешающего личностной полноценности.
2. Проблема прикованности слепоглухого к зрячеслышащим в унижайнейших мелочах. Отсюда - более общая проблема взаимного самоопределения слепоглухого по отношению к зрячеслышащим и наоборот.
3. Невозможность при слепоглухоте включённой невключённости. (Речь идёт о том, что зрячеслышащие могут заниматься своими делами и одновременно контролировать зрительно и на слух происходящее вокруг.)
4. Проблема счастья и несчастья при слепоглухоте. Не семейного, не так называемого "личного", а счастья духовности, человеческой полноценности в ситуации слепоглухоты и вопреки этой ситуации.
5. Проблема зависимости от постоянного окружения или от случайного встречного. Лучше обращаться к случайному встречному за самой кратковременной помощью, чем обременять своими просьбами постоянно окружающих меня людей, а себя обременять сидением в четырёх стенах в унижайтельном ожидании обещанной помощи. Та помощь, которую по идее я должен бы получать от одного специально нанятого человека (если такой вообще есть - бывали периоды, когда их не было), разделяется между многими случайно встреченными людьми.
6. Проблема гордости при слепоглухоте. Здесь же - Проблема официальной и добровольной помощи. Не имея никаких средств воздействия на своих официальных помощников, которым зарплата шла независимо от того, работали они на самом деле или нет, - я, кроме помощи случайных встречных, пользовался добровольной помощью своих друзей, чаще всего ребят из различных молодёжных объединений, особенно из строительно-педагогического объединения "Радуга" (Андрей Андреевич Савельев, Ирина Владимировна Саломатина и многие другие), а так же иногда помощью соседей (главным образом в разыскивании друзей по телефону). Что же касается официальных помощников (числившихся в Институте лаборантами), то единственным счастливым для меня исключением из них оказался к моменту написания этих строк Владимир Викторович Богуславский, который сумел

стать одним из ближайших моих друзей и которому я бесконечно благодарен за реальную человечность и самоотверженность.

7. Проблема нравственной императивности гуманитарного творчества: что мешает скатиться на обывательское отрицание всего белого света? При слепоглухоте и независимо от неё. Это проблема духовного максимализма вопреки несоответствию окружающей реальности, прежде всего реальных отношений между людьми, - твоим идеалам, твоим представлениям о добре. Либо принимать бесчеловечные правила игры, навязываемые господствующим взаимно эгоистическим, взаимно безответственным типом отношений между людьми (а потому, в конечном счёте, и людей с остальной вселенной), - либо отвергать эти правила, считая совесть не химерой, а мерилем нравственной, вообще человеческой полноценности, прежде всего собственной, а затем уже чужой. Это проблема личностного и творческого самоопределения. Я далёк от совершенства, но если я перестану к нему стремиться, это будет равносильно духовному самоубийству.

8. Проблема уместности напоминаний инвалиду об инвалидности: когда это обидно, когда нет. И с какой целью напоминать. Обидно, когда тебе предлагают "по одежке протягивать ножки", загоняют в четыре стены, - и не обидно, когда к тебе проявляют искренний интерес, вместе с тобой изучают твои возможности и стараются эти возможности расширить, стараются тебя понять и помочь тебе понять самого себя и других людей.

9. Проблема "сверхопеки" и "сверхдоверия": какое из двух зол меньше. Под "сверхдоверием" (или "сверхинтеграцией") имеется в виду равнодушие, предоставление тебя самому себе, - выкручивайся как знаешь, ни на кого, кроме себя, не рассчитывай. "Сверхопека" лучше: при ней к тебе хотя бы неравнодушны, её можно уменьшить, снять, на деле доказав своим образом жизни, что ты можешь больше, чем кажется "опекуну", и в конце концов можно прийти к разумному компромиссу между обслуживанием и самостоятельностью. Разумеется, такой компромисс предполагает взаимную гибкость: деспотическая "сверхопека", не дающая самостоятельно шагу ступить, может убить личность или не допустить, исключить её формирование, может сформировать (по выражению Э.В. Ильенкова) "удоборуководимость", ЛИБО - такой же деспотичный, агрессивный паразитизм.

10. Проблема смысла жизни при слепоглухоте: периодические сомнения, стоит ли жить вообще. Выбор между прозябанием (существовать ради самого существования, существовать, потому что существуешь) - и жизнью, то есть человеческой полноценностью личности как представителя разумной формы жизни, как разумного существа. Выбор между бездуховностью - и духовным максимализмом. Все или ничего. Лучше вообще не существовать, чем прозябать.

11. Проблема адреса проклятий: кто виноват в моей слепоглухоте - Бог, Природа или Общество? Обвиняю общество. Обвиняю всю ближайшую к моменту моего появления на свет человеческую историю. В мучительности моей жизни виновата не слепоглухота сама по себе, а система отношений между людьми, в частности - отношение "большого мира" (мира "здоровых", "нормальных") к "малому миру" (к инвалидам различных категорий, к "калекам"), недооценка первыми возможностей последних, или простая брезгливость первых по отношению ко вторым. Это - конечный вывод, к которому я пришёл не сразу. Сначала в своих страданиях (в

лишении всего того, чем по сравнению со мной располагают зрячеслышащие) обвинял слепоглухоту.

12. Проблема сопоставительной катастрофичности последствий слепоты и глухоты. Глухота хуже. Этот же вывод делает и Лев Семёнович Выготский, который пишет, что слепое животное беспомощнее глухого, а глухой человек, наоборот, больше теряет в смысле социальной активности и личностной полноценности по сравнению со слепым. Это связано с тем, что общение между людьми происходит обычно на слух; глухота резко ограничивает возможности общения, а с ним и возможности нормального личностного развития. Поэтому, если бы мне пришлось выбирать: стать зрячим, оставаясь глухим, или остаться слепым, зато нормально слышать, - я выбрал бы второй вариант. Из двух зол - слепоты и глухоты, - для человека меньшее - слепота.

13. Проблема "скидок". Это один из "каменных преткновения" между здоровыми и инвалидами. Критерий тут - ложно понимаемое самолюбие. "Героями" считаются те инвалиды, которые пытаются жить "как все" по внешности, по форме, а не по сути, не по достигаемым

результатам. "Никаких скидок" - это на деле часто значит: никакого учёта инвалидности, ограничения возможностей, связанных с инвалидностью, простое игнорирование инвалидности. Если инвалидность учитывается, если человека освобождают от явно непосильного ради получения равноценного (а то и лучшего по сравнению со здоровыми) результата, - то этот результат с указанной позиции обесценивается, - видите ли, делались "скидки". Ты не слышишь, тебе нечего делать на лекциях, никакой перевод не компенсирует отсутствия слуха, и куда эффективнее было бы эту лекцию прочесть в конспекте, или с фонограммы переписанной дословно плоским либо рельефно-точечным шрифтом. Но это "скидка", а то, что полученные таким (по выражению Л.С. Выготского) "обходным путём" знания могут быть прочнее и основательнее, во внимание не принимается. По существу, типично бюрократический подход: отступили от формы, "сделали исключение" из "общего правила", а ради чего и с каким результатом - неважно. Именно такое бюрократическое, формальное, чисто внешнее, а потому догматическое, бессмысленное "равнение на здоровых" я ещё в студенческие годы назвал "ложным героизмом". Проблема ложно поставлена: ведь на самом деле речь идёт вовсе не о "скидках", а об анализе конкретной ситуации (в данном случае слепоглухоты) и неприменном учёте этой конкретики при решении любых проблем. Дело не в том, чтобы "выглядеть как зрячелышащие", а в том, чтобы БЫТЬ ДУХОВНО ЗРЯЧЕСЛЫШАЩИМИ несмотря ни на какую слепоглухоту, ВОПРЕКИ слепоглухоте. Такой подход в те же студенческие годы я назвал "истинным героизмом", хотя, честно говоря, никакого особенного "героизма" тут не вижу и вообще не считаю уместным в данном случае употреблять столь громкие слова. Речь идёт о НОРМАЛЬНОМ ДЕЛОВОМ ПОДХОДЕ к решению всякой проблемы С УЧЁТОМ УСЛОВИЙ, в которых её приходится решать.

14. Проблема самоуважения: полноценный субъект творчества, личность - или "объект тщеславной жажды проявлять гуманность"? Сам ли по себе, как личность, я интересен и ценен, - или только в качестве экзотического существа, слепоглоухого, которого удалось "очеловечить" и теперь можно демонстрировать с трибун всевозможных форумов?

15. Проблема профессиональной полноценности и реального трудового коллектива. До университета я мечтал быть профессиональным поэтом. В университете первые года два скучал, не понимая, какое отношение к психологии имеют анатомия с физиологией, статистика и т.п., - искренне считая настоящими психологами только художников в широком смысле, людей искусства. Но позже я увлёкся красотой научной мысли, диалектикой становления личности, чему способствовало и то, что над психолого-педагогическими проблемами взаимоотношений взрослых и детей, учителей и учеников я задумался ещё в школе по поводу собственных трудностей в этих взаимоотношениях. Огромную роль сыграла и позиция самых уважаемых и любимых мною людей - А.И. Мещерякова и Э.В. Ильенкова, которые призывали нас, слепоглоухих студентов, способствовать как можно более высокому развитию своих младших товарищей по несчастью, внушали нам, что это наш нравственный долг. Эти призывы были мною восприняты как своего рода завещание, и в 1981 году я поехал в Загорский детдом именно с мыслью попытаться это завещание выполнить. - Мы окончили университет, нас приняли на работу, но дальше не знали, что с нами делать. На что мы способны? Что мы можем, чего не можем? Только в период подготовки к защите кандидатской диссертации (в 1994 году) наконец-то я обрёл подлинный трудовой, исследовательский коллектив, в работе которого мне помогли и помогают участвовать на деле, а не номинально. Это - группа психологии общения, развития и социореабилитации личности во главе с академиком Алексеем Александровичем Бодалёвым. Только здесь я узнал счастье членства в настоящем научно-исследовательском коллективе. До тех пор я выкручивался как мог, но вне института, - в Загорском детдоме, в строительно-педагогическом объединении "Радуга", в Детском Ордене Милосердия. Там я тоже узнал, что такое коллектив, и был счастлив, но это были коллективы скорее дружеские, чем профессиональные. Там я заработал уважение, некоторую известность, общественный авторитет, и это, может быть, послужило базой или предпосылкой для реального включения меня в профессиональный коллектив, - я уже в какой-то мере предыдущей своей деятельностью хотя бы намекнул на свой потенциал, полная реализация которого впереди, и без сотрудничества с коллегами, как и без продолжения прежней внеинститутской деятельности, эта полная реализация моего творческого и вообще личностного потенциала вряд ли возможна.

16. Проблема, как любоваться (любить на расстоянии) при слепоглухоте. Невозможность любоваться - одно из самых трагических (для меня во всяком случае) следствий слепоглухоты. Трагизм усугубляется самой настоящей, страстной влюблённостью в тех, кем хочешь и не можешь любоваться, желанием свободно общаться с ними, - но без возможности любоваться, а значит сориентироваться в ситуации НА РАССТОЯНИИ, общение крайне затруднено. Выход есть, конечно, - быть самому поактивнее, но как при этом не стать назойливым? Ведь, в сущности, вся моя стратегия общения, особенно с детьми, сводится к одному: мне хорошо с этими людьми, и мне хочется, чтобы им со мной тоже было хорошо. Я пришёл к выводу, что с точки зрения человеческой полноценности важнее быть любящим, чем любимым. Последнее желательно, но - насильно мил не будешь, а первое (любить самому) обязательно,

иначе не может быть и речи ни о какой человечности, ни о какой духовности, ни о какой личностной (человеческой) полноценности. Очень важно, любят меня или нет, но ещё важнее, способен ли я сам любить.

17. Проблема жалости к себе не из-за эгоцентризма, а потому, что слепоглухота мешает любить других.

18. Проблема победы над слепоглухотой: победить - значит вылечить; поэтому нельзя победить, но можно побеждать в течение всей жизни. Можно сказать, что в этом - сущность высшего уровня личностной самореабилитации. В.Э. Чудновский в этом высшем уровне особо выделяет диалектику превращения слабости в силу, когда сами накладываемые слепоглухотой ограничения становятся стимулом личностного развития.

19. Проблема придавленности грузом пережитого как "вечной душевной мерзлоты". Проблема придавленности также и ответственностью за свою жизнь перед собой и перед людьми, - в конечном счёте перед человечеством и космосом. Речь идёт о вечной самонеудовлетворённости, о несоответствии себя такого, как есть, такому, каким должен быть (хотел бы стать).

20. Проблема зависимости между неполноценностью (слепоглухотой) тела и полноценностью личности: чем личность полноценнее, тем невыносимее неполноценность тела. Имеется в виду не столько то, чего лишает и чему мешает слепоглухота, сколько то, что без определённого уровня физической самостоятельности (бытовой, пространственной, что предполагает так же и определённый уровень свободы вступления в контакт с первым встречным) невозможна и духовная самостоятельность.

21. Проблема стратегической и тактической (ситуационной) правоты-неправоты. Неуверенность в правильности своего поведения с каждым человеком, с кем только что общался, - это комплекс неполноценности - или же следствие дефицита информации, вечно недостаточной сориентированности из-за слепоглухоты?.. Это здоровое сомнение в адекватности своих реакций - или патологическое неверие в себя? То же самое - стратегически, на мировоззренческом уровне. Имеет ли такую уж абсолютную ценность творческая самореализация? Не слишком ли дорого может она обойтись окружающим - по крайней мере небезразличным мне, любимым мною? Как строить отношения с инакомыслящими, то есть теми, чья шкала ценностей не совсем совпадает или совсем не совпадает с моей? Тут уже встаёт проблема взаимной терпимости.

22. Проблема физического присутствия при фактическом отсутствии: различие "быть в компании" (быть включённым в общение) и "быть рядом с компанией" (присутствовать, но не участвовать в общении, - то ли нет перевода, то ли окружающим настолько "интересно" друг с другом, что не хочется "отвлекаться" на тебя ("потом расскажем"; во-первых, это обещают не для того, чтобы выполнить, а для того, чтобы отделаться; во-вторых, "потом" - неактуально и неинтересно, отсутствует главный стимул общения - возможность отреагировать, как-то повлиять на ход разговора или - на заседании - на общее решение)). Это одна из самых мучительных проблем в моей жизни, ибо с особой болезненностью напоминает мне о моей физической слепоглухоте. В какой форме выразить свой протест, если оказался "рядом с компанией"? Чаще всего в таких случаях требуют внимания, в самой скандальной форме требуют перевода.

Я обычно демонстративно отключаюсь так или иначе, - способов мною много выработано. Непреложно одно: быть рядом с компанией, а не внутри компании - нетерпимо и нестерпимо, особенно при слепоглухоте, да и при любом состоянии здоровья. Быть рядом с компанией -

неизбежная, и очень тяжёлая, психотравма. Если есть риск оказаться рядом с компанией, а не внутри компании, - лучше всего отсутствовать физически. Пусть они там развлекаются без меня, а мне легче всего уединиться, занявшись каким-нибудь своим делом. Но В ЛАГЕРЯХ это демонстративное уединение играет прямо противоположную роль - привлечь к себе внимание детей, а когда подойдут, "отвлечься" от "своих дел" и постараться вступить с ними в общение. Для этого "уединяться" надо в самых оживлённых местах, где ребят больше всего. Такой способ привлечения к себе внимания и первого знакомства с ребёнком - один из самых испытанных и безотказных. Я назвал этот способ "методикой "Паук"". Со взрослыми это не срабатывает, - лишнее доказательство, что у взрослых другая психология. А ребята на меня, якобы поглощённого своим делом, летят, как бабочки на огонь.

23. Проблема смысла жизни и смерти. Долг жизни и мечта о смерти как об избавлении от мук. "Смертный грех" постоянной тоски, острого неприятия существования в условиях слепоглухоты.

24. Проблема товарищества не по несчастью (например, по слепоглухоте), а по счастью взаимного приятия друг друга в качестве высшей ценности, в качестве любимого существа. Отречение от "товарищества", "братства" по несчастью - во имя товарищества, братства по любви и духовности. Плюс изначальное товарищество и братство по человечеству, по роду. Словом, проблема общности мнимой и реальной.

25. Проблема права на общечеловеческую боль в ситуации слепоглухоты. Ни в коем случае не замыкаться в своей инвалидности, во что бы то ни стало рваться и вырываться в большой мир, в общечеловеческую проблематику. Убеждён, что иного пути к реальной духовной, личностной полноценности - не существует.

26. Проблема притворной и действительной человечности (в отношении общества к инвалидам). Притворная - игнорирование действительных проблем инвалидов при создании видимости полного благополучия, при фактической изоляции от большого мира в своего рода гетто, которыми могут служить и собственные семьи инвалидов; попытки "откупиться" от инвалидов мизерными пенсиями, льготами и т.п., при полном игнорировании каких бы то ни было их духовных запросов и при отказе им в какой бы то ни было социальной активности (в том числе политической). Реальная - внимание к жизни инвалидов, создание условий для их интеграции в обществе, особенно духовной, личностной интеграции, приспособление социальной инфраструктуры (транспорта, зданий и т.д.) к их возможностям, чтобы они могли не сидеть в четырёх стенах, а самостоятельно передвигаться и вообще жить без чрезмерного перенапряжения среди "обычных" людей.

27. Проблема эфемерности, ненадёжности счастья общения (и любого счастья) при слепоглухоте. Страх будущего, страх потери того, что есть, в любой момент. Страх лишения перевода, сопровождения, а значит - возможности участия в жизни других людей, в конечном счёте - в жизни

человечества. И ещё раз - унижайшее чувство зависимости от сущих "мелочей" в решении любых своих проблем. Отсюда неукротимый, неподвластный даже собственной моей воле, протест, постоянная готовность обойтись в решении своих проблем без одних людей - с помощью других, пусть незнакомых, случайно встреченных. И разработка довольно сложной системы обращения за помощью к первому встречному. Реализация диалектического принципа независимости от немногих - через зависимость от первых же встреченных и готовых помочь людей.

28. Проблема изначальной душевной открытости и нарастающего желания замкнуться, спрятаться от трудностей общения, отдохнуть от боли из-за непреодолимости (иногда, может быть, кажущейся) этих трудностей. Отсюда - идея "избирательной смерти": умереть не физически, не безусловно, не для всех, а только для тех, с кем особенно тяжко, больно, - умереть в смысле замолчать.

29. Проблема компенсации дефицита живого общения напряжённой творческой, духовной, внутренней жизнью. Бегство от одиночества в уединение. Возврат в собственное детство на новом уровне (в детстве - игровое ("Большая сказка", одинокая игра-фантазирование) и книжное уединение; в зрелом возрасте - творческое, тоже в общем-то книжное, но теперь речь идёт не только о чужих, но и о своих книгах).

30. Проблема личностной вторичности слепоглухих (и вообще инвалидов). Чтобы инвалид, особенно такой тяжёлый, как слепоглухой или полностью парализованный, мог состояться лично, - изначально (первично) к этому должны стремиться окружающие его здоровые люди. В моём случае - стремились многие, список их мог бы занять не одну страницу, и это остро ставит проблему благодарной памяти, проблему внешних и внутренних источников личностной полноценности, проблему честного самоутверждения при полном учёте и признании заслуг окружающих в твоих личностных успехах (в том числе профессиональных и - шире - творческих), - при полном учёте и признании соучастия других в своей жизни, - а не самоутверждения за счёт отречения от этих других, отказа им в какой-либо роли (дескать, "всем в жизни я обязан только себе"; ничуть не лучше и обратная позиция, когда окружающие подчёркивают свою роль, полностью перечёркивая значение твоих личных саморазвивающих усилий).

31. Проблема инвалидной субкультуры как проблема самоизоляции инвалидов от человечества и мировой культуры.

32. Проблема исторической вторичности человеческой (духовной, личностной) полноценности инвалидов. То же самое, что и со вторичностью индивидуально-личностной полноценности, только в масштабах истории человечества.

33. Проблема живого и опосредствованного (через книги) творческого общения. Трудности создания научно-библиографического аппарата (вынужденное цитирование и отсылание по памяти). При дефиците (особенно в условиях слепоглухоты) живого, непосредственного общения с людьми, при чисто технической затруднённости этого общения, "духовные консервы" (книги, музыка, скульптура) и собственное творчество в сколько-нибудь доступных областях приобретают решающее значение для саморазвития личности, компенсируя дефицит прямого общения с духовно более богатыми людьми.

34. Проблема взаимной ответственности, обязательности, точности, исполнительности в межличностных отношениях. При слепоглухоте особенно остро: кому и насколько можно довериться, на кого и в какой степени - положиться, за что можно взять ответственность на себя, не боясь, что она окажется непосильной из-за чужой безответственности. Проблема РИСКА в человеческих отношениях (риска априорного доверия, риска доверчивости). Мне, слепоглухому, то есть не могущему во многих случаях обойтись без посторонней помощи, - надёжность, ответственность, обязательность, точность окружающих меня людей особенно важна. Ненадёжность, безалаберность, безответственность - это не просто проявление эгоизма и неуважения к окружающим людям, но прежде всего форма социальной и психологической дискриминации. В полном соответствии с идеями Франкла, я свободен позволить или не позволить себя дискриминировать, хотя бы и бессознательно (какая разница, дискриминация-то остаётся). Предпочитаю - не позволять.

35. Проблема снятия ограничений, налагаемых слепоглухотой, в области научно-теоретического и литературного творчества, - с помощью специальных брайлевских компьютерных технологий. Благодаря этим технологиям я в принципе оказываюсь в одинаковых условиях со всеми остальными авторами, получая возможность более или менее полностью отвечать за опубликованный текст. Поэтому и утверждаю, что специальные компьютерные технологии в области научно-теоретического и литературного творчества делают меня зрячеслышащим, снимая все связанные со слепоглухотой ограничения. Остаются поездки по редакциям, активные рабочие контакты с ними по телефону (тут по-прежнему требуется сопровождение и перевод). Но с этим уже несравнимо легче смириться, чем с невозможностью полностью отвечать за свой текст в его отпечатанном плоским шрифтом и опубликованном виде. Не говорю уже о том, что компьютер с тактильным дисплеем может служить великолепным средством общения. Содержание разговора полностью сохраняется либо в памяти компьютера, либо на дискете, и я могу как никогда раньше полно учитывать все пожелания при дальнейшей работе над обсуждавшимся текстом, вставляя в нужные места отрывки из наших бесед и затем редактируя их. Я мог бы знакомиться с выходящими книгами и журналами с компьютерного набора, переписав их на дискету. Если же мне нужно переписать статью или книгу, которой нет ни в издании по Брайлю, ни в электронном варианте, то с помощью сканера можно было бы прочитать плоскопечатный текст через тактильный дисплей. Это полностью сняло бы проблему переписки для меня по Брайлю необходимой литературы. Можно было бы с помощью специального устройства - модема -

включаться в компьютерную сеть, вызывая нужные тексты из компьютерных отделений крупнейших библиотек. Но и без этого компьютерные технологии дают такие возможности, которые в творческом отношении приравнивают меня к зрячеслышащим, и от таких возможностей отказаться только потому, что не с кем регулярно ездить в компьютерный центр, - совершенно невыносимо. Сказанным, думается, достаточно подготовлен вывод, который может показаться еретическим: инвалидам, особенно тяжёлым, специально приспособленные компьютерные технологии нужнее, чем здоровым. Для инвалидов, в отличие от здоровых, это не фантастические удобства, а фантастические возможности личностной, духовной полноценности, - не роскошь, а необходимость.

36. Проблема эгоизма и альтруизма при слепоглухоте. Противоречие между двумя смыслами жизни - творчества и любви. Я не мыслю себе жизни без творчества, но точно так же не мыслю себе жизни и без мамы. Когда я был вынужден ежедневно ездить в компьютерный центр, мое творчество как никогда зависело от регулярного сопровождения. Таким образом, мог возникнуть - и возникал - выбор между творчеством (которого я себе без компьютера больше не мыслю) и мамой. Одна мысль о возможности такого выбора лишала меня душевного равновесия. Единственный вариант, позволяющий избежать возможности такого выбора раз и навсегда - установить специальную компьютерную технику дома. Благодаря М.Ю. Кожухову и Н.Н. Никитенко это оказалось возможно.

Апрель 1993 - декабрь 1996